

ТОРИЯ
ДРИМ

wattpad

Дружить
с бабочкой

БОЛЕЕ 300 000 ПРОЧТЕНИЙ НА wattpad

Wattpad. ТОП на русском

Тория Дрим

Притворись бабочкой

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дрим Т.

Притворись бабочкой / Т. Дрим — «Издательство АСТ»,
2022 — (Wattpad. ТОП на русском)

ISBN 978-5-17-145684-9

Джитта Эвердин не знает, куда бежать от своих страхов. А друга детства Дарена, способного ей помочь, уже нет рядом. Но однажды Джи выигрывает поездку в летний лагерь: наконец-то жизнь улыбнулась ей. И все бы ничего, но ей придется жить в одном доме с мрачной Ванессой, а еще терпеть насмешки куратора, первокурсника Лэйна Кеннета. Страхи и комплексы Джи возвращаются. Вновь из зеркала на нее смотрит неидеальная девушка. Неужели она снова закроется в себе? Позже Лэйн становится невольным свидетелем ее кошмара. Узнав в Лэйне себя, Джи неожиданно предлагает ему игру, в которой, как окажется позже, они оба проиграют...

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145684-9

© Дрим Т., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тория Дрим

Притворись бабочкой

Роман

* * *

Copyright © Тория Дрим, текст, 2022

The author is represented by Wattpad

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

The Neighbourhood – U&I

The Weeknd – I was never there

Chase Atlantic – Friends

Tom Odell – Another love

Janice – Enough

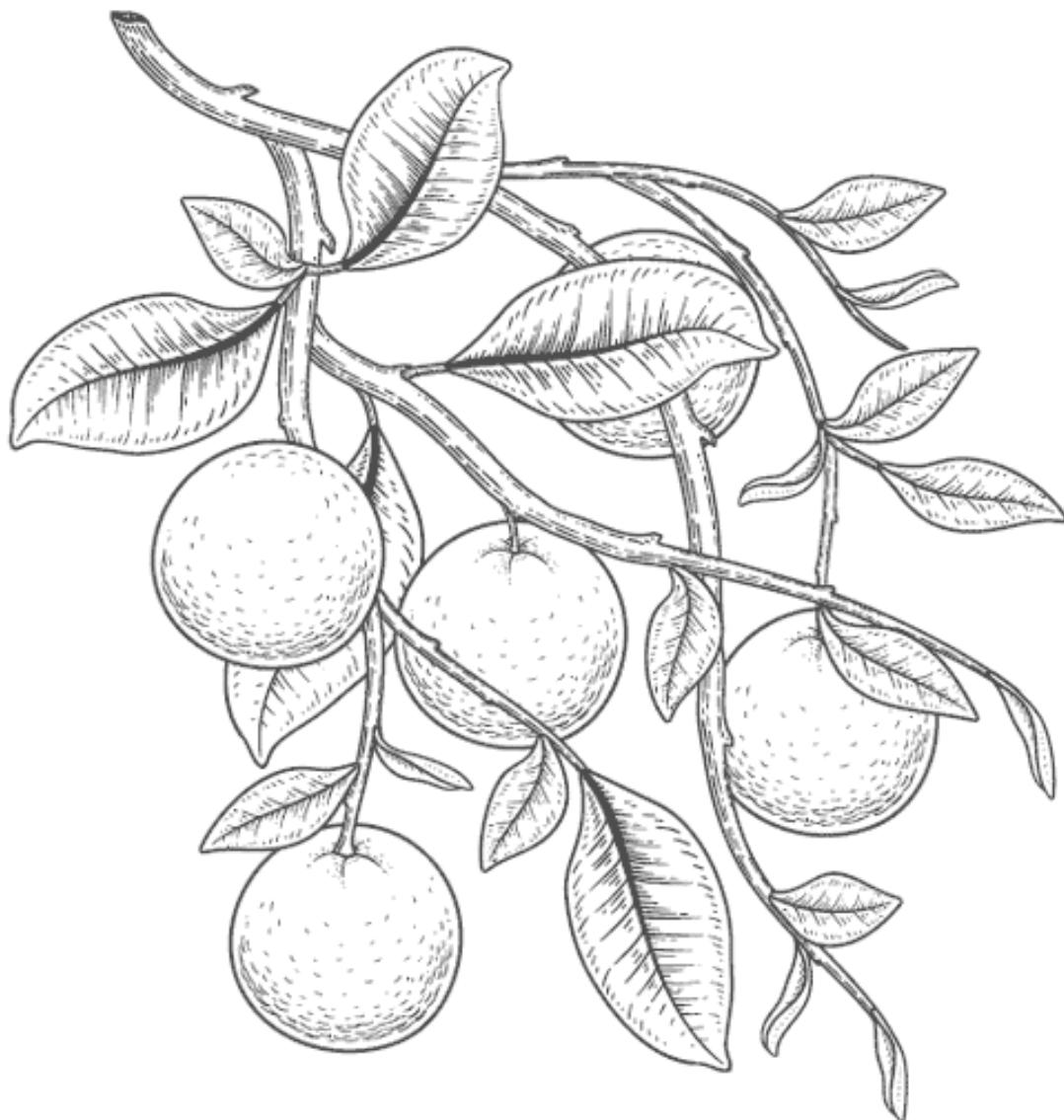
Billie Eilish – Ocean eyes

Daniel Silver – Now that you're gone

Dyce – Race

Hippie Sabotage – Options

Halsey, G-Easy – Him&I

- Почему ты думаешь, что рядом с тобой мне будет комфортно?
- От меня пахнет мандаринами. Ты любишь цитрусовые.

Глава 1

Сюрприз

Я уже второй час рисую у себя в тетради, но никак не могу прийти к изображению, крутящемуся в моей голове. Из-под шарикового наконечника появляются бабочки, цветы и листочки, даже какой-то уродливый окунь, но перед глазами то и дело всплывает совсем иная картинка. Задуманное осуществить не получается, поэтому я оставляю в покое бумагу, откладывая в сторону ручку и сосредотачиваюсь на уроке. Исподлобья гляжу на мистера Брюса, который стоит у доски и увлеченно объясняет тему. Краем уха слышу что-то про магнитные волны, но почти сразу переключаюсь на разговор одноклассников. Сегодня у меня не то настроение, чтобы постигать законы физики, да и отличное расположение духа всегда куда-то улечивается при одном только упоминании этой пресной науки.

– Пс-с. – Голос Одри, которая сидит за партой справа, вырывает меня из размышлений. – Джи! Джитта!

Я медленно поворачиваю голову, но сначала предпочитаю убедиться в том, что нахожусь не под прицелом глаз мистера Брюса. Одри тоже оглядывается, ловит на себе пару внимательных взглядов, но это вовсе не мешает ей кинуть в мою сторону скомканный лист бумаги. Я поспешно хватаю письмо в руки, а подруга чуть слышно хихикает в кулак. В недоумении смотрю на нее, но Одри, кажется, уже про меня забыла: поправляет волосы, спускающиеся медовым водопадом с ее изящных плеч, тщательно разглядывает в маленьком зеркале подведенные зеленым карандашом серые глаза, а потом, надев черную джинсовую куртку поверх белоснежного топа, начинает говорить о чем-то с соседом по парте.

Я усмехаюсь. Дела с моей внешностью обстоят немного иначе: темные волосы собраны в небрежный пучок, от недосыпа под голубыми глазами виднеются фиолетовые круги, губы местами шелушатся. А красивая одежда – это уж точно не мой конек, раз мешок из-под картофеля кажется мне гораздо симпатичней какого-нибудь элегантного платья.

Я вновь переключаюсь на бумажку и, чтобы не вызвать у мистера Брюса всяких разных подозрений, делаю вид, будто слушаю его и одновременно изучаю взглядом класс физики: с деланным любопытством рассматриваю приборы в деревянных шкафах, обвожу глазами открытые жалюзи, сквозь которые пробиваются солнечные лучи, смотрю на электронную доску, томно вздыхаю при виде горы учебников. Здесь ничего не менялось, наверное, лет двадцать пять. Разве что современную технику поставили. А так даже стены не потрудились перекрасить. Краска на них вся потрескавшаяся.

– Таким образом, с волной в пространстве передается не вещество, а энергия, – заключает мистер Брюс, взмахивая рукой вверх. – Сейчас покажу все в деталях на доске.

У меня наконец появляется несколько свободных минут, чтобы успеть развернуть письмо и прочитать его содержимое.

«Маккой пригласил меня на барбекю в выходные. Там будут его родители. Как думаешь, мне стоит пойти?»

Я читаю записку Одри и, даже не оборачиваясь к ней, уже знаю, что она сейчас улыбается и не находит себе места от счастья. Действительно ли она просит совета? Сомневаюсь. Я почти уверена, что Одри написала письмо с исключительно одной целью – похвастаться. Конечно, ведь Маккой – один из самых популярных парней в нашей школе. И не так важно, что популярность эту он заработал благодаря отцу-бизнесмену.

Беру ручку и со спешкой пишу ответ. Думаю, краткое «конечно», скорее всего, удовлетворит Одри, и она продолжит мечтательно вздыхать о предстоящих выходных. Что касается моего уик-энда, то здесь все по канону: покупка сырного попкорна и закачанный на ноутбук

«Бумажный дом». Через два дня мы заканчиваем одиннадцатый класс, а это значит, что я уже могу с облегчением выдохнуть, ибо сдала все в самом лучшем виде: научный проект, аттестацию, зачеты на дополнительных занятиях.

Я довольно улыбаюсь, подпираю руками щеки и только сейчас понимаю, что мне очень жарко. На носу июнь, а мы сидим в помещении с закрытыми окнами! Не только у меня, но и у большинства учеников лица залиты лихорадочным румянцем, у некоторых даже капает пот со лба. Поднимаю руку, чтобы привлечь внимание учителя.

– Извините, мистер Брюс, можно открыть окно? Очень уж здесь жарко, – спрашиваю я, и в ту же секунду раздается цоканье недовольной Мэрри Дэвис, сидящей за последней партой во втором ряду.

– Нет! – грубо восклицает она. – Я не хочу заболеть. У меня выступление через две недели!

Мои брови мгновенно взлетают вверх. А я уже почти дотянулась до ручки окна! Учитель в смущении опускает глаза. Все сразу становится понятно: слушать меня никто не станет, ведь я – не Мэрри Дэвис, отличница и пример для подражания, а лишь простая девчонка, которая вечно только и делает, что загоняет себя в рамки.

– Прости, Джитта. – Мистер Брюс кладет журнал на стол и выдавливая из себя полуулыбку. – Если хочешь, я могу открыть дверь.

Пожимаю плечами и в попытке успокоиться снова утыкаюсь в тетрадь. От злости у меня даже выходит наконец дополнить рисунок задуманными ажурными зигзагами. Хоть какой-то плюс в стрессовом состоянии.

Рисую, я ощущаю на себе пристальный взгляд Одри, но не оборачиваюсь. Мне сейчас не до ее мечтательных вздыханий. Черт, поскорей бы закончился этот урок! Благо он последний. Приду домой, брошу рюкзак и выйду на пробежку, а после, чтобы как-то освежиться, сделаю лимонад и проведу вечер с Брук. Признаться, даже враги видятся во сто раз чаще, чем мы с сестрой.

– Внимание, класс! – повышает голос учитель, из-за чего я чуть заметно вздрагиваю. – Нам обещали прислать список победителей конкурса научных работ. Вам уже известно, что выигравшие получают бесплатную поездку в летний лагерь на берегу залива Торбей. Я знаю, вы все старались, но, увы, счастливиц только двое.

Тихо ухмыляюсь. Кто-то действительно хочет поехать в этот лагерь? Да, место, безусловно, очень красивое, но я о такой поездке могу даже не мечтать: пусть и выжала из себя все соки, а в своем проекте по-прежнему не уверена. К слову, тема, которая мне досталась, изрядно потрепала нервы. «Бабочки» – существа довольно загадочные, и их изучение далось мне с трудом.

– Посидите пару минут. Я схожу за конвертом со списком победителей.

В классе мгновенно поднимается гул. Все начинают перешептываться в ожидании оглашения имен «счастливиц». Я бросаю многозначительный взгляд на Одри и в который раз думаю о том, что она – самая противоречивая фигура из всех, кого я знаю. Иногда теплая и отзывчивая, а иногда ледяная и отторгающая всех на своем пути.

– Думаю, я поеду в лагерь, – самодовольно улыбается Одри, а потом шепотом добавляет: – Моя работа просто потрясающая, Джи.

Уверенности у нее хоть отбавляй.

– И ты правда хочешь туда поехать? – спрашиваю я, опуская взгляд на свои потертые кроссовки. – А как же Маккой?

– О, конечно, я хочу поехать! Ты не представляешь, сколько там возможностей. Новые друзья, море, свобо-о-о-ода! – Она растягивает последнее слово, из-за чего я борюсь с желанием просто положить голову на парту и закрыть уши. – А Маккой... Это Маккой. Он полюбому выиграл, Джи.

В итоге я пожимаю плечами. Для меня этот лагерь ассоциируется с вечной суетой, палящим в зените солнцем, тоской по близким и неловкостью в кругу новых людей.

– Ребята, письмо со списком победителей пришло. Открываю...

Мистер Брюс закрывает за собой дверь, демонстрирует всем конверт и проходит в центр класса. Пространство словно погружается в вакуум, что в целом довольно удивительно.

Ох, был бы здесь Дарен – все бы давно валялись на полу от смеха. Но, увы, его здесь нет... Неприятные воспоминания заставляют почувствовать такую боль в груди, будто о сердечную мышцу раз за разом стачивают раскаленные лезвия. Я разочарованно сжимаю губы в тонкую полосу, пытаюсь не дать слабину. Слезы предательски подступают к глазам. Дыши, Джит, дыши. Просто попытайся отвлечься.

– Маккой Эванс и Джитта Эвердин!

Сердце быстро бьется. Перед глазами мелькают картинки, тысячи картинок. Никак не удается сосредоточиться на доске впереди меня, все расплывается. Наверное, из-за слез. Черт возьми, что все подумают?

– Поздравляю, Джитта! – едва ли не крича сообщает учитель, а я замираю, ибо смысл услышанного доходит до меня только сейчас.

Джитта. Эвердин. Выиграла. В. Конкурсе. Нет! Мои бабочки этого не достойны. Нет, нет, нет.

– Поздравляю, – выплевывает Одри. В ее глазах стоит ненависть, а челюсть сжата до предела. Она готова меня убить.

Я ошарашенно перевожу взгляд с лица подруги в сторону, вытираю с щек слезы и стараюсь прийти в себя. Кто-то начинает аплодировать, некоторые присвистывают, а я думаю только о том, что совершенно этого не заслуживаю. Мой научный проект – результат работы нескольких недель, тогда как многие другие трудились над своими работами месяцами.

– Простите, мистер Брюс, это какая-то ошибка. Я не уверена, что могла победить, – осторожно произношу я, внимательно изучая лицо учителя.

Он удивлен моей реакцией, это видно. Мистер Брюс поправляет наручные часы, хмурится и манерно кашляет. Наверное, подбирает нужные слова.

– Нет. Здесь нет никакой ошибки, Джитта. Поздравляю тебя еще раз, – поддерживает меня учитель, хотя бы немного выделяясь из той серой массы, которая питает ко мне сейчас только агрессию. – Не нужно так недооценивать свои способности.

Я слышу смешок Адриана. Ядовитые комментарии Мэрри Дэвис. Вижу взгляд Одри. Она явно в бешенстве, и в особенности оттого, что я заняла место, принадлежащее ей по праву, ведь Маккой тоже едет.

Вскоре мои подозрения насчет Одри подтверждаются.

– Одри, послушай! – Пытаюсь поймать ее после звонка, но тщетно: подруга даже не оборачивается.

Бегу со всех ног за стремительно удаляющимся силуэтом. Неужели ей совсем не интересно, что я скажу?

– Одри!

Она на миг замирает, картинно закатывает глаза. Думаю, если бы мы находились за пределами школы, у нее уже давным-давно повалил бы пар из ушей.

– Я ни при чем, честное слово! – оправдываюсь, словно маленькая девочка, оплошавшая перед родителями. – Одри! Да постой же ты! Я действительно не понимаю, как это произошло!

И тогда она оборачивается. Сверлит меня глазами, и мне кажется, что я слышу ее мысленные проклятия. Я останавливаюсь, чтобы отдышаться.

– Это я не понимаю, Джитта! – шипит Одри. – И почему тебе всегда так везет?!

Мне? Везет? Похоже, она совсем не знает значения этого слова, раз говорит подобные вещи в мой адрес. Мне становится смешно и обидно. Я делаю глубокий вдох, набирая побольше кислорода в легкие – сейчас он мне необходим.

– Хорошо, – спокойно проговариваю я, пытаюсь найти компромисс. – Я завтра же поговорю с директором. Отдам тебе свое место, если появится возможность поменяться. Договорились?

Ее взгляд смягчается. Одри опускает плечи и приближается ко мне, явно намереваясь обнять.

– Правда? – Ее лицо озаряется светом. – Спасибо! Спасибо, спасибо, спасибо! Я знала, что на самом деле ты – очень даже светлый человек.

Порог дома я переступаю, чувствуя полное опустошение после тяжелого дня. В нос ударяет аромат, который я сразу же узнаю, – мама приготовила куриный пирог. В коридоре меня никто не встречает, поэтому, бросив рюкзак в прихожей, я направляюсь в ванную.

– Эй, народ, я дома! – кричу, чтобы Брук с мамой меня услышали.

Наконец-то сладостное успокоение накрывает меня с головой. На душе уже не так тоскливо, и родные стены, кажется, излечивают эмоциональные «царапины» после трудного дня.

Чтобы полностью расслабиться, я умываю лицо холодной водой. Смотрю на свое отражение в зеркале и понимаю, что нужно увеличить дозу лечебного геля – слишком много неровностей на коже. Дарен точно дал бы мне этот совет. Дарен. Снова он...

– Привет, милая! – Встретив в коридоре, мама как обычно заключает меня в крепкие объятия.

От нее так сладко пахнет! Веет уютом, домашним теплом, и благодаря этому я сразу перестаю думать о плохом. Она действует на меня как лекарство.

– Ты приготовила пирог, да? – с наивной улыбкой спрашиваю я, хотя заранее знаю ответ, ведь уже вижу любимое блюдо в духовке и апельсиновый сок на столе.

Мама таинственно подмигивает, достает противень из электропечи и кладет прямо передо мной. Пирог еще теплый, и мне не терпится отрезать кусочек. Хрустящая корочка выглядит чертовски аппетитно! Потираю ладонь о ладонь и усаживаюсь обедать.

– Моя голодная девочка! – Проходя мимо, мама поглаживает меня по голове. – Брук тоже скоро присоединится. Она копошится в гардеробе уже целый час.

– Затеяла генеральную уборку? – усмехаюсь я. – Неужели?

Я беру тарелку и кладу себе кусочек пирога. Должно быть, сегодня планета сошла со своей оси – сначала моя победа в конкурсе, а теперь вот неожиданные перемены в Брук. Удивительно!

– Как в школе? – Мама садится напротив и добродушно смотрит на меня.

У меня язык не поворачивается ответить честно. Нахлынувшие события вызывают во мне слишком много разных эмоций, но ради мамы я стараюсь держаться позитивно.

– Неплохо. – Я пожимаю плечами.

В коридоре что-то падает – видимо, Брук уже в пути в кухню. Я понимаю это по грохоту: сестра никогда не приходит просто так, ей обязательно нужно что-то где-то свалить.

Брук старше меня всего на год и заканчивает школу в этом году. Из-за подготовки к экзаменам и поступлению она часто рассеянная и нервная. Такое же и пространство вокруг нее – захламленное и беспорядочное.

– Хей, красотка! – обращается она ко мне, в то время как ее взгляд мгновенно устремляется к пирогу. – Что нового?

– Абсолютно ничего интересного. А ты, вижу, находишь себе развлечения. Затеяла уборку? – не выдерживая, спрашиваю ее. – Это событие века!

Брук не торопится отвечать: с отстраненным выражением лица она пританцовывая направляется к холодильнику и вскоре достает оттуда апельсин. Любовь к цитрусовым – это у нас семейное.

– Не язви, Джи-Джи. Просто решила немного разгрести старые вещи, захотелось найти свой фиолетовый джемпер.

Я едва не выплевываю еду, заливаясь смехом.

– Чего? Тот, который ты надевала на свой день рождения четыре года подряд? А он тебе, случайно, не маловат будет?

– Я сейчас кину в тебя апельсин.

– О-о, не только на день рождения, но еще и на Рождество! – добавляет мама.

Громкий смех оглушает кухню. Так приятно видеть маму в хорошем настроении! Я в очередной раз радуюсь тому, что она работает удаленно – управляет бухгалтерией в небольшой компании, занимающейся производством хозяйственных товаров, – а параллельно занимается домом, который в противном случае давно превратился бы в свалку. Каждый день мама встречает нас вкусным обедом, а по вечерам развлекает совместными просмотрами всяких фильмов. При этом эта фантастическая женщина успевает все: сдавать отчеты, наводить повсюду красоту и уют и бесконечно поддерживать нас с Брук.

– Я слишком его люблю, – с напускной грустью в голосе произносит сестра.

Мама то косится на нее, то переводит взгляд на меня. Искренняя улыбка мелькает на ее пухлых губах.

– Дело твое, конечно, но советую следить, чтобы джемпер не затрещал по швам, когда ты его наденешь, – на свой страх и риск укалываю Брук насмешкой.

– Ах ты! – Сестра запускает в меня листок, который только что оторвала с ветки мандаринового дерева.

Я ловко уворачиваюсь и сквозь смех показываю ей жест «лузер».

– Так! – Мама немного повышает тон и сажает рядом со мной Брук. – А теперь поешьте нормально.

Мы обе возводим глаза к потолку, но послушно принимаемся за обед. Неудивительно, что пирог как всегда оказывается на высоте, и даже Эвердин-старшая с удовольствием лакомится им. Отвлекаясь от трапезы, мама с облегчением глядит на нас и пододвигает к себе компьютер. Похоже, грядет очередная работа.

– Кстати, Джит, как там твой научный проект? Вроде бы уже должны быть известны результаты. Кто поедет в лагерь? – вдруг ни с того ни с сего интересуется Брук.

У меня вмиг падает настроение. Только я успокоилась, а душу вновь беспокоят.

– Это ужасная тема для разговора. – Надеюсь, что меня поймут, но этого не происходит. Допрос только начинается!

– Ну же, расскажи нам, – вступает в разговор мама, обращая на себя мое внимание.

Что мне стоит им сказать? Очевидно, правду. Хотя я и не собираюсь ехать в лагерь, они должны знать.

– Маккой из параллельного класса, – тихо отвечаю я, склонив голову. Выдерживаю паузу.

– Только он?

– Нет. Еще... – замявшись, я глубоко вдыхаю и на выдохе раскрываю все карты, – я.

Мама либо удивлена на самом деле, либо делает вид, что удивлена. Они с Брук переглядываются. Их улыбки кажутся мне фальшивыми, и я окончательно падаю духом.

– Я все равно туда не поеду. – Стараюсь не заикливаться на их реакции. – Отдам возможность Одри.

Брук практически давится куском, вставшим поперек ее горла от удивления, а мама резко встает со своего места, опираясь руками о столешницу.

– Что значит «не поеду», Джи?

Обе разочаровываются, и я начинаю неловко себя чувствовать.

– То и значит, – объясняюсь я, а Брук в это время неодобрительно испепеляет меня грозным взглядом. – Я совершенно не работала над проектом и понятия не имею, как выиграла.

– Перестань нести чушь, Джит! – Брук срывается.

– Это не чушь, а мое желание. Завтра же пойду к директору, чтобы поменяться с Одри.

– Никуда ты не пойдешь! – говорит мама, а я, ошарашенная, вскакиваю с места.

– Да вы практически выставяете меня из дома!

– Мы просто хотим, чтобы ты поехала, Жи-Жи. – Сестра начинает проводить рекламную кампанию. – Там будет весело, поверь. Развлечешься, получишь массу впечатлений. Ты же перестала выходить куда-либо с тех пор, как Дарен...

Брук запинается и прикусывает губу.

Я не могу больше находиться здесь, не могу слушать все это. Закрываю уши руками и еле-еле подавляю в себе желание закричать. Остается только убежать в комнату и закрыться на замок.

Уеду! Я уеду в этот чертов лагерь назло всем! И пусть только попробуют звонить мне по несколько раз в день...

Глава 2

Марилебон в огнях уюта

Мне нужно пятнадцать минут, чтобы успокоиться и полностью прийти в себя. Они растягиваются, превращаясь в вечность, и за это время я успеваю оглядеть нашу с Брук комнату. На удивление, я нахожу в ней множество мелочей, на которые до этого, кажется, вообще не обращала внимания. Как я могла столько не замечать? Например, того, что Брук зелеными кнопками прикрепила плакат с Гарри Стайлсом на стену или что на ее кровати приклеены забавные стикеры со Сквидвардом и Спанч Бобом? Что на подоконнике появилась фоторамка с нашим общим семейным портретом? Я дотягиваюсь до нее и, прикусывая губу, провожу пальцем по прохладному материалу. Мгновенно вспоминаю субботу, проведенную около двух лет назад в Риджентс-парке. Мы стоим у водного вивария, охотно поедая апельсиновое мороженое, счастливые, румяные от жары и безудержного смеха. Я, Брук, мама и папа. Папа... по которому я чертовски скучаю. Папа, жизнь которого теперь – сплошные командировки.

Я прикрываю глаза и вздыхаю. Папа служит по контракту, и это нужно принять. Только сделать это не позволяет одно лишь осознание: он находится там, где идет война, его вечно отправляют в горячие точки. И как только мама справляется – загадка. У нее на этот счет всегда одно объяснение – любовь. Они живут так вот уже двадцать лет. Изредка, несколько раз в год, у папы появляется возможность взять перерыв: пожить дома, побыть с нами. И в такие периоды мы не расстаемся ни на секунду: что-то придумываем, гуляем, стараемся, чтобы каждое мгновение врезалось в память.

К примеру, в прошлом году нам с Брук пришла идея отправить родителей в Лас-Вегас в путешествие за романтикой, но мы не сумели накопить нужную сумму денег. К счастью, другой вариант почти сразу нашелся: ужин в ресторане и поездка на двухэтажном автобусе в центр Лондона, что, кстати, было очень символично – они впервые встретились в таком же. Впрочем, в подробности знакомства родителей нас с Брук не посвящают: папа по этому поводу всегда отшучивается, точно так же, как и мама, каждый раз таинственно ему улыбаясь.

Я тру виски, расплываясь в трогательной улыбке. В дверь стучат, и я слышу учащенное дыхание сестры. Она изрядно запыхалась, пока поднималась по лестнице.

– Хей. – Брук тихо бросает свое любимое слово-обращение. – Джи-Джи, пожалуйста, открой. Я хочу поговорить.

Молчу, но на душе кошки скребут. Открывать ли ей? Вряд ли Брук, отправляя меня в лагерь, преследовала какие-либо корыстные цели. Наверное, она хотела, чтобы я отвлеклась и хорошо провела время вдали от дома. Но что меня обидело, так это фраза о Дарене. Ведь ей отлично известно, что меня чертовски ранят любые упоминания о нем.

– Я давно не видела тебя по-настоящему счастливой, – признается она, и мое сердце, кажется, в ту же секунду совершает кульбит, – но мне так хочется... Правда, Джит. Я ведь не чужой тебе человек. Просто попробуй отбросить все эти тупые комплексы.

Я злюсь, и от злости стискиваю зубы. Злюсь не только на Брук, но и на себя – за то, что позволила ей так думать. Думать, что я – ходячая ошибка, вечно грустная и несчастная.

– Спасибо за заботу, – выдавливаю я из себя, а затем быстро встаю и начинаю искать свой спортивный костюм. Мигом переодеваюсь. Все, чего я хочу сейчас, – это побегать в парке с музыкой в наушниках. Поэтому я в спешке завершаю свой образ серыми кроссовками и наконец открываю дверь Брук. Она стоит как вкопанная, ожидая моих дальнейших слов. Однако я лишь молча целую ее в щеку и прохожу мимо.

– Я на пробежку, вернусь позже. – Я почти дохожу до лестницы, но потом вспоминаю и добавляю: – Кстати, как давно ты начала фанатеть по Стайлсу?

Прищуриваю глаза, наблюдая за тем, как щеки сестры наливаются краской. Вижу неподдельное счастье на лице Брук. Она рада, что я спросила об этом.

– Даже не ожидала, что ты заметишь, – язвит Брук, отводя глаза к потолку. – Уже как год, Джи.

– Сегодня ночью познакомишь меня с его творчеством, – напоследок кидаю я и спускаюсь вниз.

Пора обратить внимание на интересы близких и перестать быть такой эгоисткой. После победы в конкурсе, стыдно признаться, я чувствую себя как-то иначе. Может, это предчувствие чего-то нового? Не нахожу ответа. Очень хочется поскорее сбросить напряжение, именно поэтому в следующее мгновение я вылетаю из дома, громко хлопнув дверью.

Иногда нам кажется, что мы способны на многое в одиночку, и в этом есть доля правды. Однако неоспорима и другая истина: разве не наши близкие люди подталкивают нас к принятию важнейших решений, к совершению разных поступков? Если кто-то спросит, люблю ли я бегать, то я, несомненно, кивну. Но таким образом я солгу. Безусловно, бег помогает мне совершенствоваться, но это не моя заслуга, а Дарена. Именно он заставил Джитту Эвердин выбраться со дна и снять клеймо «жирной неудачницы». Именно он каждое утро занимался со мной на заднем дворе. Бегал, показывал упражнения, даже согласился выполнять их вместе, чтобы я ощущала его поддержку. И я ощущала. Всегда.

А справилась бы я в одиночку? Смогла бы прийти в форму без советов и помощи Дарена? Конечно же нет!

– Давай, малышка, еще один круг! – говорил он, подбадривая меня. – О да, Джи, тебя ждет комплимент от Адриана!

Его слова действительно имели отрезвляющее свойство. Тогда, занимаясь, я была готова на все, только бы он оставался рядом.

– Интересно, сколько мне нужно пробежать, чтобы стать такой же идеальной, как ты?

И все шло по кругу. Раз за разом. День за днем. Дарен никогда не отвечал на этот мой вопрос, никогда не смеялся над ним. Он просто молчал, заставляя мой мозг кипеть от злобы. А со временем друг и вовсе стал недостижимым. И как бы сильно мне ни хотелось, он всегда был на милю впереди. Смогла бы я когда-нибудь его догнать? Ухмылка на лице выдает меня, и я на миг останавливаюсь посреди пустынной улицы в попытках восстановить дыхание. Без Дарена я бы так и осталась такой слабой, какой была пару лет назад, это правда.

Оглядываюсь. Понимаю, что за мыслями совсем не заметила, как ускорила и убежала далеко от парка. В который раз убеждаюсь в том, что вспоминать прошлое лучше в более спокойной обстановке.

Пока я возвращаюсь, не могу не любоваться вечерним небом и самолетами, оставляющими на нем белоснежные полосы. Красиво. Я люблю такие пейзажи, они всегда успокаивают. А еще более прекрасны виды нашего города. Марилебон настолько чудесен, что куда ни глянь – везде найдется что-то захватывающее. Город славится тем, что в нем живут художники, актеры, писатели, и вообще раньше он считался городом элиты, а еще большую известность со временем получил благодаря домику Шерлока и музею мадам Тюссо.

Я же, к примеру, нахожу прекрасное в настенном граффити наряду с особняками, а также в цветочных арках и маленьких магазинчиках. Марилебон остается бессмертной классикой – можно сказать, что здесь витает колоритный дух прежних времен, дух культуры, аристократии: Диккенс, Уэллс, Коллинз.

В детстве, когда я гуляла с соседскими ребятами, мы любили тайком проникать меж особняков и заглядывать за чужие заборы. Однажды, жарким июльским днем, нам удалось наткнуться на Пола Саммерсона, который отдыхал со своей женой возле бассейна. Смеху было! Только охранники нас все же заметили. Пришлось рвануть с места и лететь оттуда со всех ног.

Помню тот день до мельчайших деталей. Вернулась домой, рассказала Брук и родителям, мама с папой смеялись, а сестра обиделась на то, что я не позвала ее с собой. Она всегда обижалась по пустякам.

Я выключаю музыку и поднимаюсь по ступенькам. Пробежка до дома получилась быстрой. С загруженной мыслями головой забываешь о том, сколько времени тратишь на дорогу, уносясь в мир размышлений на долгое, но такое драгоценное время.

– Джи, как прогулялась? – спрашивает мама, встречая меня в коридоре.

У нее в руках большая картонная коробка, которая сразу привлекает мое внимание.

– Отлично, – признаюсь я и дарю маме широкую улыбку. – Давно так не наслаждалась погодой.

Мама ставит коробку на тумбочку. Я борюсь с желанием посмотреть, что в ней лежит. Перевожу взгляд на маму и пытаюсь по ее глазам понять, прячет она там что-то или нет. Но вместо этого вижу лишь усталый взгляд. Ее короткие светлые волосы убраны назад, из-за чего лицо при свете лампы приобретает более острые черты. Она сбросила около десяти килограммов за последние два года и, на мой взгляд, потеряла некий шарм. И я даже не знаю, как ей идет больше, да это и не важно. Я не заикливаюсь, потому что главное, чтобы ей самой было комфортно.

– Покажешь мне, что прячешь в коробке?

Подхожу ближе и чувствую, как напряжение в комнате медленно нарастает. Мама отходит назад и убирает коробку за спину, я морщусь от недовольства и непонимания.

– Что там?

– Джитта, милая, в кухне ждет фруктовая тарелка, иди поешь! – Мама переводит тему, очевидно не желая, чтобы я продолжала расспрашивать. – Это посылка с работы пришла. Ничего особенного.

Мне тяжело. В груди все сковало. Должно быть, мама что-то скрывает, и это что-то не дает мне покоя. Прохожу вперед и слышу, как за моей спиной раздается облегченный выдох. Значит, мама действительно утаивает какой-то секрет. Только потому, что мое существование и так принесло ей достаточно мук, я ухожу оттуда и стараюсь забыть про эту чертову коробку.

Со смешанными эмоциями вваливаюсь в нашу с Брук комнату, толкая дверь ногой, так как в руках у меня огромная тарелка с фруктами и душистыми ягодами.

– Джитта Эвердин на месте. Включай своего Стайлса.

– Ничего себе появление! – игриво двигает бровями Брук, и я заливаюсь смехом.

В комнате темно, поэтому для большей атмосферности мы включаем гирлянду.

– Хорошо, что мы ее повесили, – усмехаюсь я.

Сестра кивает.

– Плюхайся рядом, Джи-Джи. – Она ставит рядом с собой мягкий пуфик, и мы усаживаемся.

Руки Брук оказываются на моих плечах. Первая мелодия из какого-то альбома растекается по комнате, подобно тягучему меду.

– Угощайся. – Я протягиваю Брук фрукты, а сама беру клубнику.

В висках стучит. Словно над самым ухом раздается мелодичный голос: «На вкус как клубника летним вечером». Я улыбаюсь – лето, вечер, клубника. Все это будто списано с наших с Брук посиделок.

«И звучит как песня» – поет следом Гарри, а мы с сестрой к этому времени уже всю хохочем. Первый попавшийся трек – и уже точно о нашей жизни.

– Обожаю киви! – восклицает сестра, уплетая фрукты за обе щеки. – Ну что, как тебе его творчество?

– Мне нравится, – абсолютно искренне отвечаю я.

Гарри Стайлс – не мой кумир в музыке, но голос у него приятный.

– Удивляюсь, как ты раньше не замечала. – Слова Брук будто впиваются в кожу. – Джи? Не замечала, потому что голова была занята другими мыслями, а сердце – другими печальями...

– Кстати, ты завтра свободна? – резко спрашивает она. – На вечер никаких планов нет?

Я поворачиваю голову в сторону Брук, чтобы увидеть ее во всей красе. Русые волосы сестры блестят при свете гирлянды, в глазах прыгают искорки, а вздернутый кончик носа слегка покраснел.

– А почему ты спрашиваешь? – Кусаю яблоко и хитро ей подмигиваю. – Бру-у-ук? Что ты задумала?

– Хочу познакомить тебя кое с кем. – Она облизывает губы и смущенно улыбается, будто старшая сестра здесь я, а не Брук.

Знаю, она жаждет моего одобрения. В волнении заламывает пальцы. А я осознаю, что мои подозрения оправдались. Сестра влюбилась, я давно это поняла. Причин на то было немало: в последнее время она почти всегда была в хорошем настроении, часто где-то пропадала, ходила по магазинам и покупала себе одежду. Не только повседневную, но и на выход – я даже не могла раньше найти в ее гардеробе платья, так что их наличие теперь явно намекает на завязывающиеся с кем-то отношения.

– Во сколько? – задаю лишь один вопрос, а в ответ сразу же получаю объятия. – Полегче!

– Я рада, очень рада! – щебечет она. – Ты наконец-то с ним увидишься!

От Брук очень приятно пахнет, не могу этого не отметить. Сладкая смесь ванили и пионов. Я откликаюсь на ее объятия, чувствуя себя при этом так хорошо, словно лучше и быть не может. На данный момент уж точно.

Глава 3

Знакомство с дьяволом

Следующим утром я забегаю в школу запыхавшаяся и немного разбитая – проспала. Такое часто случается, но сегодня особенный день – опаздывать нельзя, нужно успеть поговорить с директором по поводу лагеря. Поэтому я сдуваю с лица выбившиеся пряди волос, поправляю лямку рюкзака и в спешке направляюсь к классу. Стены школы приводят меня в состояние полнейшей апатии, от нахождения здесь не холодно и не жарко. Я по обыкновению выполняю все требования учителей, сдаю работы, общаюсь с одноклассниками – и вроде бы все меня устраивает, но...

– Привет, – здоровается со мной Одри, преграждая дорогу в класс.

Она покрасила кончики в синий цвет и специально выпрямила волосы, чтобы это заметили. Хороший ход. Ее негативная аура давит мне на мозги, и я отхожу чуть дальше, чем ей бы хотелось.

– С утром! – Намеренно пропускаю слово «добрым», потому что не нахожу его подходящим для описания этого момента.

Одри косится на меня. Уверена на сто процентов – она ждет, чтобы я призналась, каковы шансы поменяться. Не хочу ее разочаровывать, но ведь я и сама этого не знаю.

– Поспешу к директору.

После такой наглости с ее стороны, я на секунду задумываюсь, а стоит ли мне вообще с ней меняться? Она не достойна этого, раз так со мной обращается. Готовлюсь ответить на эту дерзость, но меня прерывает звонок на урок. Поджав губы, я беру рюкзак и непринужденным шагом направляюсь к своей парте. Во втором ряду она третья по счету. Одри, проходя мимо, кидает в мою сторону убийственный взгляд и смахивает с моего стола две тетради с конспектами. Удивительно. Чем больше делаешь для людей, тем меньше они тебя ценят. Жестокая, но правда. На ум приходит сравнение с бабочками: им суждено летать, но легкого касания пламени достаточно, чтобы опалить им крылья. Осознание этого действует угнетающе.

Я потираю переносицу.

«Уважай себя, Джит, иначе никто не будет», – отчетливо слышу у себя в голове уверенный голос Дарена, своего лучшего друга детства. Слова того самого Дарена, который больше никогда не взлетит. В ту же секунду меня словно бьет током. Я вздрагиваю. Если это не знак, то я ничего не смыслю в знаках Вселенной.

Но одно для себя решаю точно: я никуда не пойду. В кои-то веки мне выпал шанс что-то изменить, и я не должна его упустить.

Время близится к семи, пора идти на встречу с возлюбленным Брук. Для нее очень важен сегодняшний вечер. Что бы там ни происходило, мы были и остаемся семьей, и я тоже очень ценю сестру. Не могу потерять еще одного близкого человека, даже мысли такой не допущу.

В который раз смотрю по сторонам, вздыхаю и переминаюсь с ноги на ногу. Любопытно, кто же так очаровал Брук. До двенадцатого класса она встречалась только с одним старшеклассником, и это нельзя было назвать хоть сколько-нибудь серьезными отношениями, потому что виделась сестра с ним раз в неделю на занятиях по большому теннису, и их общение ограничивалось одной только игрой. Они даже не расстались официально, потому что дружба и симпатия сошли на нет, когда Брук ушла с тенниса.

Я перебираю в голове всевозможные варианты, но никак не могу понять, кто же ее новый возлюбленный. Наконец замечаю парочку издали и направляюсь к ней. Мое не очень хоро-

шее зрение подводит, и лицо молодого человека разглядеть не удастся, вместо него я вижу только размытое светлое пятно. Я старательно щурю глаза и, кажется, узнаю...

Сердце уходит в пятки. Я как можно скорее должна развернуться и уйти. Сейчас же, Джи! Немедленно! Однако ноги уже сами собой предательски подводят меня к ним, и я застываю на месте, абсолютно поникшая. Мне приходится медленно дышать полной грудью, чтобы хоть как-то демонстрировать безразличие. Вот уж и выбрала Брук себе парня!

– Привет! – едва ли не пища от счастья, здороваются сестра. – Вот и все в сборе!

Я выдавливаю из себя улыбку и не смотрю на ее молодого человека, в то время как он осматривает меня с ног до головы. Отвратительно. Это стечение обстоятельств – самое мерзкое из всего, что только могло произойти. Думаю, я не была бы столь разочарована, даже если бы Брук познакомила меня с тридцатилетним мужчиной или офисным клерком в галстуке со Спанч Бобом.

– Знакомься – это Питер. – Брук нежно берет его за руку и улыбается.

Мне совершенно не нужны эти знакомства. Я и так уже знаю его лучше, чем хотелось бы. Знаю этого чертова Питера, который уничтожает все на своем пути.

– Привет, Джит, приятно познакомиться, – бросает он мне.

По голосу можно понять, что он расслаблен. Он притворяется, будто не знает меня, будто никогда до этого не встречал. Пф! Наглая ложь! Безумие! Черт побери!

Фальшивая улыбка этого парня больно ударяет по мне, спокойствие вмиг разбивается. Чтобы скрыть напряжение, я терблЮ край джинсовой куртки и прячу руки за спину, дабы он не заметил моего нервного состояния. Питер смотрит на Брук, которая пребывает в восторге от нашего знакомства. Вот только мне совсем не до радости. Я всем сердцем ненавижу Питера Грина.

«Сукин сын», – хочу я закричать, но сдерживаю себя и мысленно повторяю несколько раз: «Все это только ради Брук!»

– Я счастлива, что наконец-то вас познакомила! – радостно восклицает сестра.

Я внимательно всматриваюсь в глаза Грина: яд. Он на девяносто девять и девять десятых процента состоит из яда.

– Зайдем в кафе? – Питер задает вопрос и выводит меня из транса.

Как он может вести себя столь спокойно? Как его не мучит совесть?

Брук непринужденно кивает. Они разворачиваются и направляются ко входу, я же поднимаю голову к небу и прошу немного сил, чтобы пережить этот день. Тучи темные, грозовые. Скоро начнется дождь. Небо намекает на то, что мне не сбежать, но ошибается. От Питера Грина я точно убогу, чего бы мне это ни стоило.

Я перевожу на этого подлеца гневный взгляд. Он строит из себя невесту кого, останавливаясь и придерживая дверь для нас с Брук. Я подавляю в себе желание огрызнуться и прохожу вперед.

Мы садимся за крайний столик у окна, и я занимаю место сбоку – не хочу быть посередине. Сажусь настолько далеко, насколько позволяет пространство.

– Очаровательная кофейня. Мы бываем здесь с Питером раз в неделю. По воскресеньям они пекут изумительные булочки с корицей. – Брук разряжает обстановку своим высказыванием, но это не облегчает груза, который будто накопился в легких.

– Да, тебе стоит попробовать, Джитта, – соглашается Питер.

Я выпадаю в осадок и изумленно смотрю на него. Терпеть не могу, когда произносят мое полное имя. Джи, Джи-Джи, Джит, но не Джитта.

– Неужели они настолько сладкие, что перебивают отвратительный аромат корицы? – Я язвлю и оставляю скрытый смысл для Питера Грина, который ухмыляется и все сильнее прожигает меня взглядом.

– Ты же раньше любила корицу? – Брук вопросительно поднимает брови, и я замолкаю.

– Всеу когда-то приходит конец.

Я знаю, что стоит мне поднять глаза, как я сразу же поймаю на себе удивленную реакцию Брук. Она будет следить за мной и расспрашивать про мое самочувствие. Она всегда так делает, когда чувствует что-то неладное.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – Ее вопрос настигает меня сам собой.

Как я и ожидала.

– Я в полном порядке.

– Брук, держи. – Грин кладет одной рукой на ее колени купюру, а другой проводит по ее волосам. – Закажи все что угодно, принцесса.

– Спасибо. – Она смущается и следом обращается ко мне. – Что тебе взять, Джит? Капучино? Эклеры?

Я киваю. Если буду отнекиваться, она снова пристанет с расспросами. А я уже догадываюсь, что Питер специально послал Брук за заказом. Он хочет поговорить со мной. Наедине. Тет-а-тет.

– Отлично. А тебе, Питер, как всегда? Латте с грецким орехом?

– Да, солнце.

От всех этих нежностей мне все хуже и хуже, даже тошнота подступает к горлу. Я не могу вообразить, как Брук могла умудриться познакомиться с Грином, подпустить к себе и уж тем более влюбиться!

– Как давно мы не виделись, Джит? Год? Два?

Я ощущаю холод. Мне настолько зябко от взгляда Питера, что сводит зубы. Я не могу справиться с собой. Мысленно твержу себе: он ничего не сможет сделать. Но страх оказывается сильнее. Он берет надо мной верх, и я вновь загоняю себя в угол.

Мне стоит на секунду прикрыть глаза, как воспоминания встают поперек горла, лишая кислорода.

На футбольном поле множество парней, и я отчаянно пытаюсь взглядом найти Дарена. Мы договорились встретиться после его тренировки. Как назло, яркое солнце слепит глаза, из-за чего я прищуриваюсь. Иду, прикрывая рукой глаза, практически ничего не видя. Спустя пару секунд чувствую сильный толчок и практически падаю на игрока из клуба Дарена. Он явно недоволен тем, что я свалила нас на дорожку для бега. Стоит сказать, что лицо парня даже побагровело, и не только от физических упражнений, но и от злости. Еще никогда в жизни я не встречала такого гневного взгляда в свою сторону.

– Извини, – шепчу я и незамедлительно вскакиваю.

– Жирдяйка, – кидает он мне, – следи за своими колбасками.

Я утопаю в боли. Сердце бьется настолько сильно, что складывается ощущение, словно еще немного, и я упаду на эту землю окончательно, навсегда и бесповоротно.

– Я же извинилась.

– Да мне плевать. Тупая корова.

У него явно плохое настроение, и он делает мне больно, чтобы поднять его. Не отвечаю, потому что слов не хватает. Бесполезно, я не справлюсь с ним.

– Эй! Повтори, Питер! – Дарен здесь.

Он окликает этого придурка и подходит вплотную. Дарен возвышается над игроком, благо его рост позволяет. Впрочем, дело не только в росте. Уверена, Дарен выше его во всем.

– Что, Дарен? – Питер уже не такой храбрый. Он держит язык за зубами.

Мне легче. Намного легче. Я в безопасности. Дарен не позволит ему меня обидеть.

– Извинись перед ней, Питер, – произносит он четко и ясно.

От уверенной речи Дарена мне хочется улыбнуться. Сейчас он поставит его на место.

– Ты сдурел? – Питер идет вперед, намеренно задевая плечо друга.

Дарен не оставит это так, это не в его стиле. Он поначалу громко смеется, а затем с размаху бьет Питера по лицу. Я охаю громче всех ожиданий. Удар приходится по носу, и парень отлетает назад, падая на задницу. Так ему и надо, он заслужил.

– Извиняйся! – Дарен не мямлит, он указывает.

– Я не буду этого делать. Эта слепая свалила меня.

Дарен не выдерживает. Подходит к нему и бьет еще раз, но уже в глаз. И я догадываюсь, с каким синяком завтра проснется Питер.

– Ладно! – Питер корчится от боли.

Кровь хлещет из его носа, и мне неприятно на него смотреть. Дарен оглядывает меня и убеждается в том, что все в порядке. Он ждет от Питера заветных слов.

– Извини.

Что ж, я дождалась извинений. В душе разливается спокойствие. Если бы Дарен не оказался рядом, то не знаю, какой был бы исход из этой несуразной ситуации. Я ведь правда не видела Питера, когда шла, столкновение получилось совершенно случайным.

– Проваливай, Грин. И больше не подходи к Джит.

Я обнимаю Дарена. Утыкаюсь носом ему в грудь и прикрываю глаза, наслаждаясь моментом. Я так горда им. И так разочарована собой... Сколько еще нелепых ситуаций должно произойти, чтобы это окончательно прекратилось? И как долго Дарен будет их терпеть?

Я возвращаюсь в реальность. Пока не пришла Брук, мне необходимо сказать несколько слов Грину. Я должна сделать все, что в моих силах, чтобы обезопасить Брук от этого прикурка. В противном же случае... даже страшно подумать.

– Держись подальше от Брук, Питер. За нее я порву любого. – Стараюсь выглядеть как можно более серьезной и сосредоточенной.

Моя речь не производит на него никакого впечатления, однако я продолжаю. Он скалится. Смех Питера раздается у меня в голове, в висках начинает стучать. Еще чуть-чуть, и все это доведет меня до панической атаки.

– Как смешно и глупо! – выпаливает парень, обнажая свои желтоватые зубы.

Я морщусь в тысячный раз. Мне жутко неприятно.

– Лучше расскажи, как ты поживаешь. Ведь тебя некому больше защищать. Некому больше с тобой возиться, Джитта. Ведь так?

Что он только что сказал? Как он позволил себе надавить на мою самую болезненную рану? Теперь уже моя голова действительно кружится, и я стискиваю зубы от злости.

– Сукин сын.

Попался бы мне острый или тяжелый предмет, я бы взяла его в руки и, не жалея сил, кинула в него.

– Ненавижу тебя.

Он продолжает смеяться, и я не в состоянии больше терпеть его ядовитые насмешки. Я одна. Питер прав.

– Надеюсь, ему там, – он поднимает глаза и руки вверх, – хорошо и без тебя.

Как же я его ненавижу! Я вскакиваю и с размаху ударяю его по щеке. След от моей разгоряченной ладони остается на коже.

– Тупая корова, – повторяет он.

Как тогда. С таким же акцентом, смыслом, намерением.

Я выбегаю на улицу. Адский ливень здесь нещадно хлещет крыши домов, на стальном небе то и дело показываются всполохи молний. Размазываю по лицу слезы и сопли, сжимая руки в кулаки. Он знал, куда бить. Питер Грин победил. Я ничто без Дарена Макбейна.

Глава 4

Лучшее с худшим

Тиканье часов успокаивает. Я прислушиваюсь к ежесекундным постукиваниям. Такое ощущение, что я перенеслась в другой мир и вокруг не существует ничего, кроме этих мало-заметных звуков. Мне очень холодно: тело до сих пор дрожит, а мурашками покрылся каждый сантиметр кожи.

Теплое одеяло не помогает справиться с ознобом. Наверное, потому что я даже не переоделась в чистую одежду, так и легла в насквозь промокшей. Действительно, чего я еще хочу?

На сердце тяжело. Из-за истерики я пробежала мимо мамы, промокшая, потерянная, с отчужденным взглядом. Она дала мне немного времени побыть наедине с собой, а потом стучалась тысячу раз в дверь, но я не открыла. После такого потрясения не знаю, сколько буду отходить.

Когда я увидела лицо Питера, сразу стало понятно: дело дрянь. В этой ситуации больше всего меня удивила Брук. Я с трудом понимаю, как она с ним связалась. Ни о каких отношениях не может идти речи, и сейчас я должна предпринять какие-либо действия. Что будет в противном случае? Он будет издеваться над ней, раздавит ее и в итоге доведет до нервного срыва. Мне хватило одного столкновения с ним, чтобы понять его истинную сущность. Странно, что она его не раскрыла.

Из раздумий меня вырывают громкие шаги – будто целое стадо слонов пробегает за дверью. Честно говоря, мне становится не по себе. Отсчитываю пять секунд и медленно поднимаюсь с постели, а после буквально пролетаю мимо зеркала, потому что смотреть на себя сейчас – настоящее самоубийство. Уж точно не в таком виде.

– Я знаю, что ты здесь. Открывай дверь! – Брук не церемонится, наоборот, ее голос дерзковат. – Немедленно, Джитта!

Она злится, я знаю это, но послушно делаю то, что сестра говорит. Дергаю за замок. Меня удивляет, что Брук выглядит опрятной, ливень никак не испортил ее внешний вид. Она все в том же красном платье, все такая же красивая.

– Как ты посмела? – вырывается у нее.

Я таращусь на сестру удивленным взглядом. Мне послышалось?

– Брук? Ты в порядке? – Я спрашиваю, потому что абсолютно не узнаю ее.

На меня направлены глаза, полные горячей ненависти. Неужели она обвиняет меня?

– Хватит, Джитта. Как ты посмела его ударить?

Я не скрываю своего шока. Моя челюсть уже практически валяется на полу. Простите, это моя родная сестра? Она защищает Питера Грина? Да даже если она не знает, какой он черствый и алчный человек, как она может, ничего не разузнав, кричать на меня?

– Ты ничего не знаешь, Брук, а уже кричишь и обвиняешь меня, – негромко отвечаю я. Голос предательски срывается из-за волнения. Жду, что она признает свою ошибку, но не тут-то было. Брук пуще прежнего краснеет от гнева.

– Что за выходки, Джи? Это мой молодой человек! Держи, пожалуйста, свои эмоции при себе. Я понимаю, ты немного не уравновешена последний год, но это не позволяет тебе так себя вести! – Она роняет эти фразы, обрывая все мои надежды.

Каждое слово, словно стрела, пронзает грудную клетку.

– А он рассказал тебе, что... – Я останавливаюсь, не договаривая до конца.

Мне больно, чертовски больно вспоминать. Я хочу рассказать ей эту жалкую историю, но становится так неприятно, что я сдерживаюсь и молчу. Молчу, чтобы потом пожалеть.

– Он был знаком с Дареном. Питер рассказал, что поддерживал его, когда они вместе играли в команде. Я совершенно не понимаю, за что ты его ударила. Да, он вспомнил о нем, но если ты так относишься к смерти человека, то необходимо пройти курс психотерапии. Не нужно столь ужасным способом закрывать ему рот.

Я готова рассмеяться. Вот уж Питер Грин. Вот уж сукин сын. Он заслуживает наказания. Теперь даже сестра обвиняет меня в неуважительном отношении. Интересно, что еще он ей наговорил.

– Ты сама себя слышишь, Брук? Все, что он тебе сказал, – полнейшая ложь. Все было не так. – Я отчаянно бросаю ей свою правду, но по глазам вижу – она мне не верит.

Это уже ясно. Вот так сестра быстро стала просто влюбленной в моего врага девушкой. Вот так порой людей портит любовь.

– Я верю ему, Джит. Хватит себя обманывать и прикрываться неустойчивым психологическим состоянием.

Она уже набралась от него яда. Просто невозможно слушать эту желчь. Я разворачиваюсь и с безразличием прохожу мимо нее. Резко хлопаю дверью. Удар оглушает весь дом, и несколько полок сотрясаются. Мне не жаль все эти вещи, не жаль Брук. Я переживаю только за маму, которая может воспринять нашу ссору слишком близко к сердцу.

В моменты, когда и без того серое пространство заполняется черным, мое внутреннее умиротворение трещит по швам. Не могу не признаться, что поведение Брук очень обидело меня и чертовски разочаровало. Она не захотела выслушать. Она была уверена в правде Грина. И самое обидное, что Брук отдала ему предпочтение, доверила ему свою душу.

Я плохо сплю всю ночь. В гостиной хоть и удобный диван, но все же не такой мягкий, как мой. У меня не было никакого желания возвращаться к нам с Брук в комнату, и я постелила себе здесь. Ее поведение дало почву для размышлений, и до утра я занимала себя мыслями о случившемся.

Казалось бы, близкие люди должны понимать друг друга с полуслова, всегда выслушивать и поддерживать. Но здесь совсем другой случай: Брук не хотела меня видеть и слышать. В ее голове застрял чертов Питер. А я уже дала себе слово сделать все по справедливости. Именно за этим выражением скрываются ненависть и желание отомстить. Питер причинил достаточно боли мне и Дарену, а зло, как правило, всегда возвращается бумерангом.

Я сжимаю губы. На ум снова приходят отрывки из прошлого. Мотаю головой. Бесполезно, они не исчезают.

Солнечные лучи падают на кожу. Мне становится тепло, и я наслаждаюсь моментом. Чувствую себя невероятно хорошо. Даже слишком хорошо, чтобы это было правдой.

На пляже мало людей, потому что сегодня вторник, а на часах десять утра. Мы с Дареном пропустили школу, устроили себе выходной, чтобы понежиться на солнце и искупаться. Пришлось доехать аж до самого Раундхауса. Впрочем, мы не жалеем, что преодолели такой длинный путь. Атмосфера на пляже действительно потрясающая: бар с напитками в гавайском стиле, песок, который приятно ощущается под ногами, доски для серфинга, хотя они вовсе не нужны, ведь высоких волн в Лондоне нет. Несмотря на это, все в целом создает атмосферу райского острова, где нет места плохим мыслям и негативу.

Дарен переворачивается на бок и украдкой смотрит на меня. Я не стесняюсь, хоть и лежу перед ним в открытом купальнике. Да, придется сбросить еще много килограммов, но я на пути к этому. Более того, уже есть чем гордиться – мы с Дареном каждое утро проводим тренировки и усиленно занимаемся. Друг очень помогает мне, и я восхищаюсь его силой воли.

– Джи, – он поправляет свои черные солнцезащитные очки, – пойдём купаться?

Улыбаюсь. Плавание я люблю больше всего на свете, даже еда меня так не привлекает. Почти все детство я плавала, и только в этом году, к сожалению, бросила это дело. При-

вить мне страсть к этому занятию мечтал папа, и у него получилось. Он следил за тем, чтобы я не пропускала тренировки, чтобы обучилась всем стилям, участвовала в заплывах. В принципе, к пятнадцати годам я не так уж и плохо выросла в этом деле, завоевала семь золотых медалей и три серебряных в региональных соревнованиях. Думаю, результатом папа должен быть доволен. Дарен тоже раньше поддерживал мое хобби, хоть в последнее время я вынуждена была отказаться от него из-за неудобного расписания и многих других причин.

– На скорость до буйков? – игриво спрашиваю я у него, прикусывая нижнюю губу.

Светлые волосы Дарена блестят на солнце, отливая золотистым оттенком. Я наблюдаю за ним восхищенным взглядом. По сравнению с его прической, на моей голове сейчас творится какой-то беспорядок – пучок, из которого уже повылезали короткие пряди. Расстраиваюсь, но стараюсь не подавать виду. Я выгляжу ужасно рядом с Дареном.

– Конечно, Джит. Только не обижайся, если я снова доплыву первым. – Он хитро прищуривается и встает. Галантно подает мне руку, и я в ответ хватаюсь за нее. Задумываюсь – снова? Когда это он у меня выигрывал? Такого еще не было, и никогда не будет.

– Эй! – Толкаю его плечом. – Я понимаю, ты уверен в себе, но в этом деле я уж точно тебя опережу.

– Попробуй!

Дарен берет меня за руку и мчится вперед. Мы бежим по песку к морю, навстречу слепящему солнцу. Мурашки щекочут кожу. Какое же наслаждение! Обожаю моменты, когда чувствуешь себя как в голливудском фильме. Когда с тобой рядом – твои люди, и все вокруг наполнено счастьем. Похоже, этот день – один из лучших в моей жизни.

– На три прыгаем в воду! – кричит Дарен с улыбкой. – Один... Два...

– Три! – выкрикиваю я за него и бросаюсь в море.

Прохладная вода приводит меня в восторг. Я ныряю, ухожу глубоко под воду и стараюсь плыть как можно быстрее. Ощущаю позади себя Дарена, он гребет, но не так интенсивно, как я. Не дам ему выиграть, ни за что. Уж в плавании я должна выбить победу у него. Я стараюсь изо всех сил, сердце лихорадочно бьется в груди.

Ну где он там? Я выплываю наружу и дышу, поспешно набирая в легкие кислород. Дарен практически сравнялся со мной, а до буйков осталось немного. Меня охватывает напряжение, которое будто наэлектризовывает меня с кончиков пальцев ног до головы. Мне нельзя сдаваться. Именно поэтому я снова ухожу под воду и усиленно гребу. Дарен близко, очень близко ко мне. Прикладываю все силы, которые у меня есть. Вспоминаю, как тяжело было на соревнованиях, но я все равно выигрывала. Здесь сравнивать нельзя, тут мой соперник – Дарен, и он серьезный.

Я гребу руками, напрягаю мышцы ног, задерживаю дыхание и... кажется, касаюсь буйков. Да! Выплываю. Дарен все еще под водой. Я выиграла! Неужели это случилось? Мне необходимо время, чтобы отдышаться. Не верится, что я сделала это!

– Опаздываешь, – сквозь смех произношу вынырнувшему только что Дарену.

Он доплывает до меня и дотрагивается до талии. По коже пробегает табун мурашек, чарующих, волшебных.

– Поздравляю, Джи! – говорит так благородно, что я расслабляюсь.

Однако его последующие действия удивляют – он пытается окунуть меня с головой.

– Что ты творишь?

Мы оказываемся под водой, он начинает меня щекотать. Наверное, я выгляжу глупо, но шок не сходит с лица. Любопытно, что на Дарена нашло.

– Ну что, теперь до берега? – Он оглядывается на меня и ждет ответа.

Я всматриваюсь в его глаза и замечаю что-то неладное.

– Ты в порядке?

– Конечно. Что за вопрос? – Он на секунду останавливается. – Поплыли, принцесса.

Я молчу до тех пор, пока мы не выходим на берег. После воды становится немного прохладно на суше. Ветер усиливается, уже не так тепло. Мы идем к тому месту, где ранее оставили полотенца и рюкзаки.

– Умница, Джи, хорошая скорость, – в доказательство моей победы произносит он.

Я радуюсь и приобнимаю Дарена за плечи. Конечно, мне приятно. Давно не ощущала таких эмоций.

– Давай погреемся на солнце, – проговариваю, а затем ложусь как морская звезда.

– Да, обсохнем, а потом съездим в органик-кафе, которое у Аббатства. Там делают потрясающий смузи.

Дарен ложится рядом, и, прикрывая глаза, мы думаем каждый о своем. Мне не хватает слов, чтобы выразить все, что я чувствую в данный момент: и радость, и кайф, и смущение, и некую печаль. Все одновременно.

– Банановый смузи я бы с удовольствием выпила.

– После такого заплыва, думаю, ты достойна не только его, но и шарика клубничного мороженого. Согласна?

Улыбка появляется на моем лице. Хочу ответить согласием, но не могу дать повод для того, чтобы выглядеть слабой. Не буду баловаться поблажками.

– Пока еще нет. Поговорим об этом через три килограмма, – шепчу я ему.

Я уверена, что он более чем доволен моим ответом. Только улыбка почему-то сползает с его лица. Я не уверена, что слышу какие-то посторонние звуки, но вдруг ощущаю, что позади нас кто-то стоит. Песок падает мне на лоб. Приходится резко открыть глаза и встрепенуться. Дарен делает то же самое. Что происходит? Кто посмел нарушить тишину?

Мы оборачиваемся. По телу мгновенно распространяется тревога, а напряжение растет с каждой секундой. Смотрю на Дарена в ожидании его реакции. И она не заставляет себя долго ждать – желваки дергаются.

Питер Грин.

– Что ты здесь делаешь? – грубо спрашивает Дарен.

Питер стоит рядом и ухмыляется. Он держит в руках телефон и, непонятно в каких целях, снимает нас.

– И тебе привет, Дарен! – восклицает Питер, оглядывая нас.

Он делает кадры на своем айфоне. Мне становится плохо. А что, если Грин выложит это все в социальные сети?

От ужаса я начинаю судорожно искать в сумке свою футболку. Поскорее бы прикрыться! Стремительно натягиваю ее.

– Какого черта ты делаешь, Питер? – Дарен огрызается.

Он явно не рад присутствию Грина так же сильно, как и я сама.

– Перестань снимать, – добавляю я в страхе.

– С чего это? Я как раз пропустил семейный поход в океанариум. И то было верно, вот какого моржа встретил на пляже! – Грин насмехается надо мной.

Он направляет объектив в мою сторону, и я не знаю, куда себя деть. Невозможно не поймать на себе его наглый взгляд. В душе разливается боль, а к горлу подступает ком. Я чувствую, что мне становится тяжело дышать.

Дарен одним ловким движением выбивает из рук Грина телефон, пока тот не переставая смеется. Кажется, пространство вокруг наполняется едким дымом. В глазах щиплет от болезненных ощущений.

– Иди к черту, Питер, пока я не ударил тебя в челюсть и ты не остался без зубов, – агрессивно выплевывает Дарен.

Мне страшно, потому что я не часто вижу его таким взбешенным.

– Я еще недостаточно насмотрелся на моржа. Эй, Джитта, улыбнись! – Он соединяет пальцы рук в квадрат и играет воображаемым телефоном.

Я отхожу назад, укутываюсь в полотенце, не оставляя ни одного видимого кусочка кожи. Мне не до смеха. Волнение начинает переходить на другую ступень, дрожь в теле заставляет погрузиться в глухой туман. Не вижу ничего вокруг себя. Слышу только голоса.

– Ты достал меня! – кричит Дарен.

Дальше я слышу, как кто-то падает на брусчатку рядом с песком.

– Тише, парень. Лучше бы ты на поле так реагировал.

– Я разберусь сам, как мне реагировать. Уходи, Грин.

– Я-то уйду, но, Дарен, скоро подобное случится с тобой. Расскажу интересную информацию тренеру. Поверь мне, ты попрощаешься со спортом.

– Только посмей.

Грин не сдерживает ядовитого смеха. Я почти не могу дышать. Закрываю глаза, пытаюсь вернуться в реальность. Не выходит. Мне необходим Дарен сейчас. Черт!

– Дарен? Пожалуйста, подойди ко мне, – беспомощно шепчу я.

– Джи. – Он опускается на колени рядом и сжимает мои ладони. – Успокойся. Его здесь нет, он ушел. Слышишь, мальчи? Питера здесь нет.

От его прикосновения мне становится немного легче.

– Кажется, это была паническая атака... – шепчу я ему на ухо.

Он крепко меня обнимает и водит рукой по спине.

– Спокойнее.

Дыхание постепенно приходит в норму. Дарен берет мое лицо в свои крепкие ладони и проводит по коже большим пальцем.

– Я рядом.

Щеки горят. Сколько же боли причинил нам Питер. И сколько еще причинит – неизвестно. Брук надо завязывать с ним, пока это все не кончилось ужасно.

– Джи? – В комнате вдруг появляется мама.

Она выглядит сонной. Видимо, не спала всю ночь из-за нас. Мало того, что она загружена на работе, так еще вынуждена отвлекаться на ссоры детей. Теперь злюсь на саму себя из-за того, что дала ей повод для беспокойства.

– Доброе утро, мам. – Целую ее в щеку, и тепло, исходящее от нее, в мгновение ока делает меня расслабленной и спокойной.

Мгновенно вспоминается один приятный момент. Отец всегда, находясь дома, любит порассуждать насчет маминого характера. Однажды он привел такое сравнение, которое вызвало улыбку у всех и раскрыло душу мамы: «Клэр, ты как распутившийся бутон пиона – приятно пахнешь, даришь людям тепло, с каждым днем становишься все прекраснее, и на тебе, как ни странно, нет ни одного шипа».

– Я знаю, ты переживаешь за нас с Брук, мам. – Я успокаиваю ее своими словами. – Но можешь быть уверена, скоро все вернется на круги своя и мы помиримся.

– Тяжело слышать, как вы ругаетесь. – Чувствую, как сильно начинает биться ее сердце. – Прекращайте, Джи. Чтобы вечером все были в сборе на ужине, я приготовлю лазанью.

Мои глаза загораются при упоминании о лазанье. Уж слишком я люблю это блюдо.

– Ну, если ты говоришь «лазанья»... то обязательно буду.

– Близких людей ранить легче всего, а вот понять их гораздо сложнее. – Немного отстраняясь от мамы, я замечаю ее сожалеющий взгляд. – К родным нужно быть снисходительнее. Это единственные люди, которые подадут руку помощи в любой ситуации.

– Я знаю, но... – Запинаюсь, потому что на данный момент мне ничего не хочется объяснять.

Я сделаю все, чтобы маме было спокойнее.

Она целует меня в лоб, а затем начинает медленно делать мне массаж. Я расслабляюсь, чувствуя, как раскручиваются невидимые пружинки внутри меня. Мама прекрасно владеет этой техникой. Не знаю, откуда у нее такие способности, но нас с Брук после школы они порой действительно спасают.

– Вот и не принимай все близко к сердцу, – слышится ее шепот около уха. – Вы вдвоем свернете горы, Джит. Наслаждайтесь юностью, время слишком быстро летит.

– А ты в семнадцать думала о том, что теряешь время? – Вопрос, волновавший меня долгое время, наконец озвучен.

Иногда кажется, что у меня из-под носа утекают минуты, а я делаю что-то не так. Живу недостаточно ярко. Просто-напросто не наслаждаюсь моментами.

– На моих глазах одна моя близкая подруга уходила из жизни. – Я впервые слышу это откровение из уст матери. – У нее была тяжелая болезнь, и я проводила с ней целые дни, осуществляя ее тайные мечты. Она научила меня любить время, ценить его. Именно поэтому я каждый раз говорю вам с Брук, чтобы вы не ссорились по пустякам.

История мамы, как нож, пронзает легкие. Дыхание сбивается, печаль накрывает с головой. Мама словно открывает мне глаза на мир, на его другую сторону. Вот что бывает, когда не ценишь жизнь здесь и сейчас.

– Подумай над этим, – мягко произносит мама.

После минутного молчания она отходит от меня за бумагами. Когда же она бросает взгляд на телефон, то мгновенно меняется в лице.

– Чуть не забыла, Джит! – восклицает мама. – Пару минут назад звонил директор школы. Сказал, чтобы ты зашла к нему перед уроками. Он сообщит тебе информацию о поездке в долгожданное путешествие. Назову его «райским».

– Мам, ты правда думаешь, что лагерь находится в раю? – Меня разбирает смех.

– А какая разница, где он находится? Главное, что тебя ждет там. А я думаю, что насыщенная и крайне интересная жизнь.

– Спасибо за твой позитив, но я в этом не уверена. – Честно говоря, мне кажется, что мама радуется моему отъезду больше, чем я сама.

– Собирайся, Джит. – Она оставляет поцелуй на моем лбу и удаляется в кухню с тяжелыми папками в руках. Все ясно. Работа.

Чертыхаясь, я встаю и нехотя иду переодеваться. В школе ждет Одри, и я уверена на сто процентов, что она уже готова разорвать меня из-за нового неожиданного решения. Ух, подруга в гневе – сильное зрелище. Поэтому нужно подготовиться к самому худшему.

Глава 5

Директор Харрисон

Почему-то перед дверью директора я вдруг снова ощущаю некое волнение. Я понимаю, он не скажет ничего плохого, но все равно испытываю беспокойство. Хочется побыстрее узнать все о поездке, чтобы быть готовой к возможным неожиданностям. Меня волнует все, начиная от комнаты, где я буду жить, и заканчивая людьми, которые станут меня окружать. Впервые в жизни я отправляюсь в лагерь и понятия не имею, чего можно от него ожидать. Думаю, я бы никогда и не решилась поехать, если бы не победа в конкурсе. До сих пор не могу поверить, что смогла выделиться среди сотен участников из школы, ведь у нас учится множество талантливых ребят: одни занимаются биоинженерией, другие играют на музыкальных инструментах, третьи осваивают высшую математику.

Раньше я тоже играла на гитаре. Учителя говорили, что я обладаю прекрасным слухом и чувствую музыку, однако со временем мои увлечения сменились, из-за чего гитару пришлось отодвинуть на второй план.

– Джитта Эвердин? – Мистер Харрисон открывает дверь своего кабинета и окликает меня.

Я сразу поднимаю на него взгляд и здороваюсь. Внешний вид директора заставляет меня улыбнуться. Что за черт? Что на нем надето? Клетчатый комбинезон и розовая рубашка с белоснежными орхидеями. Все это обтягивает его довольно-таки внушительные телеса, и я морщусь, протискиваясь в дверь. Он находится в проеме, и я еле прохожу мимо его огромного живота. Мистер Харрисон выглядит как настоящий чудак.

– Проходи, не стесняйся, – добавляет он тонким голосом, который еще больше смешит. – Победителей нужно встречать с аплодисментами.

– Не стоит. – Я хмурю брови, потому что не особо приветствую такое восхищенное отношение.

– Ох, – радостно взвизгивает он, из-за чего я тут же смущенно опускаю глаза, – так ты у нас скромняга. Рад, что в нашей школе учатся такие непритязательные гении.

Ему самому не смешно?

Я окидываю взглядом кабинет директора и подавляю в себе усмешку. Он ничуть не изменился с того дня, когда я заходила сюда в последний раз. А это было довольно давно, лет шесть назад. Тогда мы с Одри решили пощекотать себе нервишки: вломились в кабинет в отсутствие Харрисона и украли у него кружку с эмблемой футбольного клуба «Реал Мадрид». Возлюбленный Одри чертовски фанател по нему, а у нее не было денег, чтобы купить такой подарок, вот и родился план – выкрасть его у директора. Уж очень часто он хвастался этой кружкой перед всеми, поскольку привез ее из официального магазина футбольного клуба в Мадриде. Она стояла на подоконнике на торжественном подносе и мозолила глаза. Увидев ее однажды, мы с Одри заговорщически переглянулись и поняли: эта вещь – идеальный подарок.

Да, когда-то нас с ней связывала крепкая дружба. А потом, когда у нас обеих поменялись интересы, наши пути практически разошлись. Пусть мы по сей день и остались хорошими приятельницами, ведь нас многое связывает, но близости, что существовала раньше, уже нет.

Я уныло хмыкаю. В кабинете все еще стоит тот самый поднос, но уже без кружки. Интересно, мистер Харрисон так и не понял, куда она делась?

– Мне кажется, или на этом месте у вас стояла кружка? – бесстыдно спрашиваю я, а щеки предательски вспыхивают.

– Кружка? Да! – Он взмахивает руками. – Самая идеальная кружка во всей Вселенной. Ее украли! Я так долго искал эту фантастическую вещь, но... бесполезно.

На последнем слове Харрисон поникает. Весь его энтузиазм испаряется, и в это время я ощущаю укол совести. Как же ужасно мы тогда поступили! Просто отвратительно! Теперь я четко знаю, чего хочу: вернуть Харрисону дорогую его сердцу вещь. Сейчас в интернете можно найти все что угодно, неужели я не смогу достать эту кружку?

– Мне жаль. – Я опечаленно опускаю голову и мысленно приношу ему свои извинения.

– Спасибо, Джитта. Я уже смирился.

И все-таки не могу не отметить, как наш директор отличается от других: носит странные вещи, искренне выражает все свои эмоции, подшучивает над учениками. У него даже есть фишка – он ходит на школьные соревнования по волейболу, баскетболу или теннису и рисует для них плакаты в поддержку команд. Не каждый директор способен на такое. Харрисон умеет создавать приятную атмосферу. Смотришь на него и осознаешь, что в образовании не все потепло и есть люди, которым не плевать на школу. Они с душой относятся к своему делу.

– Ну что, а теперь поговорим о твоей поездке? – бодро начинает директор, и я отвечаю широкой улыбкой.

– Да...

– Не волнуйся, вы с Маккоем – счастливики. В этот лагерь съедется семьдесят лучших старшеклассников Англии. Едешь ты, а мурашки по коже бегут у меня! – Он вздрагивает и следом звонко смеется. – Итак, отправляетесь вы послезавтра утром. У тебя есть день на сборы. Сегодня я отпускаю вас с Маккоем домой, чтобы вы спокойно смогли подготовиться к путешествию. Тем более все экзамены сданы.

Ну хоть учиться не надо. Мне кажется, в этой поездке можно найти свои плюсы... Если не много, то хотя бы один – не нужно завтра рано вставать.

– Знаешь, где находится лагерь?

Я задумываюсь: вроде бы эта информация до меня не доходила.

– Нет.

– Ох, Джитта! Это место прекрасно! Такое живописное, вдохновляющее! Вы отправляетесь в Торки!

Торки? Ничего себе! Я не думала, что наша школа может позволить себе такую роскошь, тем более финансирование в последнее время довольно скудное.

Я знала о Торки. Раньше мы с семьей долго мечтали выбраться туда, но все никак не получалось. Этот городок на южном побережье Англии находится в графстве Девон, его называют сердцем Английской Ривьеры. И... я слышала, что там можно найти самые вкусные апельсины в Британии. А что может быть лучше них?

Торки расположен на холмистой местности, и я уже могу представить, какие виды меня ждут. На ум приходят мысли о Кентской пещере, и я на секунду замираю. О господи, если мы посетим ее, я буду самой счастливой на планете. Сколько легенд я читала! Сколько теорий выдумывала сама! Эта пещера – одно из самых таинственных мест на Земле.

Уже два плюса в этой поездке.

Нет. Три. Еще и местные апельсины попробую.

– Потрясающе, – выдаю я, еле справляясь с изумлением.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Пещера, да?

Не знаю, как мистер Харрисон догадался. Он поражает меня все больше и больше. Все-таки я обязана подарить ему кружку.

– Да!

Он добродушно подмигивает, усаживаясь в кресло.

– Забыл угостить тебя конфетами. – Левой рукой он тянется к полке и достает оттуда банку, наполненную разными леденцами. – Бери любые.

Харрисон определенно лучший директор в мире. Хоть и ходят слухи, что и у него есть скелеты в шкафу, я не верю. Да даже если они и есть, разве это повод, чтобы перестать считать его лучшим школьным директором на свете?

– Спасибо! – Я беру леденцы со вкусом мандарина и банана. Они еще и с сиропом внутри. Ого!

– Вы поедете на автобусе. Дорога займет всего четыре часа. Возьми что-нибудь, чем можно себя занять. В лагере-то тебе не дадут скучать, у вас будет очень много мероприятий, а вот в дорогу можно и книгу подобрать. – Директор отвлекается на конфеты и затем продолжает: – В первые дни вас ждет знакомство с другими ребятами, а потом несколько лекций и свободное время. Если найдешь друзей, сможешь провести время с ними.

– Надеюсь, что найду, – тихо бормочу я.

– Я уверен, будет весело. Чуть не забыл! – Харрисон задумчиво чешет голову. – Возьми с собой флешку. Каждый вечер кто-то будет представлять свою конкурсную работу. Вас распределят по дням.

– Каждый вечер?

Это удивляет. Как они добьются того, чтобы всех услышали? Получается, надо скучать все вечера напролет, вместо того чтобы, например, прогуляться вдоль берега, посмотреть сериалы, в конце концов?

– Никто не будет следить за тем, кто присутствует на презентации. – Он намекает мне на то, что можно будет сбежать. – Но вот представить свой проект обязательно. Поэтому, Джитта, готовься.

– Есть, сэр! – Я пытаюсь примерить на себя образ военного. Так часто отвечает папа, то по привычке, то в шуточной форме.

– Отлично. Рад, что мы все обсудили. Есть какие-то вопросы? Не стесняйся, задавай! – Он снова ободряюще подмигивает мне левым глазом.

Я уже не сдерживаюсь и смеюсь. Мистер Харрисон – ходячий анекдот. И кого-то он мне напоминает. Карлсона? Кажется, да.

– Вопросов нет, спасибо. – Встаю с места и забираю еще пару конфет. Побольше с банановым вкусом, мне понравились.

– Отдохни там, Джитта. Наберись сил перед выпускным классом!

От наставлений мистера Харрисона я получила хороший заряд бодрости и теперь не так грущу о своем отъезде. Наверное, эта возможность действительно выпала мне не случайно. Однако главное сейчас – уехать со спокойной душой, а из-за конфликта с Брук я этого сделать не смогу.

Кстати, с Одри я также не пересекалась после нашего последнего разговора. Боюсь предположить, какую истерику она закатит, когда увидит меня у школы рядом с Маккоем и автобус вдали. Кажется, разгорится драма. Одри любит драмы, поэтому для нее это не составит никакого труда. Раньше меня даже посещали мысли, что подруга только и живет, что склоками, спектаклями, спорами, в общем, всем, что позволяет ей спрятать свою реальную жизнь и показать маску другой «Одри».

Вместо того чтобы после похода к Харрисону пойти домой, я прогуливаюсь до торгового центра и покупаю себе пару летних вещей: очки, кепку, майку, шорты. Не хочу плохо выглядеть в лагере. Да и вообще немного новой одежды мне не помешает.

Когда я возвращаюсь, дома никого нет. Мама, видимо, решила выйти на прогулку с подругой, а Брук, должно быть, в школе.

Когда я поднимаюсь и захожу в нашу с сестрой комнату, то не совсем понимаю, что там произошло. Как-то странно пахнет. Похоже, сигаретами. Но Брук никогда не курила и даже не пробовала! Она даже алкоголь ни разу в жизни не пила.

Брови взлетают сами собой. Я сжимаю кулаки и от злости, и от напряжения.

– Брук? – мой громкий крик оглушает комнату.

Я разглядываю всё внимательнее, пытаюсь собрать мысли в кучу. На кровати валяется огромная черная мятая футболка. Она уж точно не принадлежит Брук.

Все встает на свои места. Брук привела его домой. Этого жалкого Питера Грина.

Злюсь невероятно. Брук повезет, если она не зайдет сейчас в комнату, потому что я взорвусь и ее завалит обломками мебели.

Я со всей силы комкаю эту футболку и швыряю на пол. Затем топчусь на этом отвратительном куске ткани. Невыносимо! Ненавижу!

– Брук! – еще громче раздается мой голос.

Я не выдерживаю и бегу на первый этаж. Заглядываю во все комнаты. Сестра будто испарилась. Не может такого быть! Запах в комнате тому подтверждение. Грин был здесь недавно. Получается, Брук пропустила школу. В выпускном классе она вдруг решила потерять голову.

На улице я нахожу сестру, идущую по тротуару. Она улыбается, глядя на солнце. В общем, наслаждается последним майским днем, в то время как я не могу справиться с охватившей меня волной злобы.

– Нам надо поговорить, – сходу восклицаю я, на что получаю ее равнодушный взгляд.

– Ты сегодня раньше, чем обычно, – кидает она мне и проходит мимо.

Я вскипаю от злости.

– Ты же знаешь, что тебе не стоит водить его к нам домой? – выплевываю эту фразу.

– А тебе не стоит лезть в мою жизнь, Джи.

Я останавливаюсь. Ее слова отрезвляют меня, как пощечина. Еще никогда я не обжигалась так от слова Брук.

– Да ты ведь его не знаешь! – ошпариваю ее правдой.

Она смеется. А мне противно настолько, что хочется взвыть.

– А ты будто знаешь, да? – Откровенный стеб с ее стороны летит в меня.

Не буду скрывать. Если она хочет знать правду, пусть знает.

– Я знаю его дольше, чем ты, – произношу уверенно.

После этой фразы Брук обращает свое внимание на меня. Ну надо же!

Она поворачивает голову и прищуривается, оценивая мои слова. Напряжение растет с каждой секундой, как и расстояние между нами. Мы отдаляемся не только физически, но и морально. То, что я расскажу ей сейчас, должно повергнуть в шок.

– Он всегда лез к нам с Дареном. Это был настоящий буллинг. Питер обращался со мной как с куском дерьма. – Я не скромничаю и не подбираю выражений. – Обзывал, подставлял. А Дарену, который защищал меня, всегда доставалось. Питер ненавидел нас. Спросишь почему? Я сама до сих пор не знаю ответа.

Прерываюсь, чтобы вдохнуть. Следующие слова будут для меня самыми тяжелыми. Я ощущаю подступивший к горлу ком и выступившие на глазах слезы. Меня всю трясет.

– Это Питер, – мой голос дрожит, – подставил Дарена. Из-за него его выгнали из команды. А потом... он пошел на то чертово поле, разочарованный, с болью в сердце, получив такой удар, который нам и не снился. В тот день Дарен потерял все: надежду на блестящую карьеру, веру, мечту и... себя.

Мне не хватает воздуха. Кажется, что пространство сужается до невероятно маленьких размеров. Я вижу только потрясенный взгляд Брук. Она пытается сдержать свое удивление, но у нее не выходит.

– Джи? – окликает она меня.

Я облокачиваюсь о почтовый ящик и глубоко дышу.

– Если бы он этого не сделал... – я начинаю реветь. Боль рвет мою грудную клетку.

«Дарен был бы жив» – я не решаюсь произнести это вслух.

– Питер мне рассказывал, что вы не ладили раньше, но он изменился, Джит. Он пообещал больше никогда тебя не трогать.

Я смеюсь сквозь слезы. Мне остается только иронично покачать головой.

– Ты серьезно?

– Джит, он не причастен к тому, что случилось с Дареном. Питер поклялся мне. Это недоразумение. Кто-то другой донес на Дарена.

– Ты веришь Питеру? – задаю я ей один-единственный вопрос.

– Я не вижу оснований не верить ему.

Мне достаточно этого ответа.

– Не позволяй ему знать о тебе все. Он страшный человек. – Это последнее, что я говорю Брук сегодня.

Затем инстинктивно обнимаю себя руками и направляюсь в дом.

– Джи, я не хочу, чтобы мы ссорились из-за него, – кидает она напоследок, уже куда тише.

– Я скоро уезжаю, так что не будем.

Брук нельзя назвать доверчивой. Я думаю, она услышала меня и какое-то сомнение по поводу Питера у нее все-таки зародится. Сестре нужно время, чтобы все понять. Питер Грин не сможет скрывать свою истинную сущность вечно, он выдаст себя совсем скоро. Обязательно выдаст.

Глава 6

Поломанная принцесса

Запихиваю в чемодан последнюю вещь и с огромным усилием закрываю его. И зачем я беру с собой такую кучу всякой всячины? Сама не знаю. Мама с Брук расположились около меня, когда я начала собирать чемодан, и благодаря их советам он в итоге наполнился до краев. По их мнению, мне обязательно понадобятся сапоги, надувная лодка и налобный фонарь. Прекрасно, что ж. Теперь я буду еле плестись со своими баулами.

– Вы довольны? – Манерно закатываю глаза, поглядывая на маму.

Она хихикает. Ее глаза горят, мама улыбается. Сеточка морщин появляется у ее глаз. Брук же стоит рядом, сложив на груди руки. Она так же, как и я, закрыта. Напряжение все еще гложет и съедает нас изнутри. Черт бы побрал все эти недопонимания! Питер Грин – настоящая проблема. Не хочу думать о нем, иначе настроение перед поездкой упадет на дно Марианской впадины. А я в таком предвкушении перед путешествием, что коленки подрагивают.

Я одета в фиолетовый комбинезон, и мне страшно жарко. Кажется, асфальт на улице скоро расплавится. Я терпеть не могу духоту. Хоть бы ветерок подул.

– Ты прекрасно выглядишь. – Мама делает мне комплимент, следуя за мной на крыльцо. – Джи, я не могу тобой налюбоваться.

Брук кивает. У меня будто груз с плеч падает. Я улыбаюсь, потому что она переборола свою гордость и согласилась с мамой.

– Да. Мне кажется, или Джит отпускать опасно? – Брук двигает бровями, и я в ответ покаю. – Как считаешь, мам?

Они бросают друг на друга теплые взгляды, и я чувствую между нами связь, которая на какое-то время пропала. Наконец можно расслабиться.

– Я вас умоляю, что со мной может случиться! – Пожимаю плечами, но в голове прокручиваю сотни сюжетов с плохой концовкой. Мнительность – страшная вещь.

– Будь осторожна. Я уже сказала тебе все, что должна была. Ты взрослая и вправе сама принимать решения. Не буду нагружать тебя своими опасениями. – Мама подходит ко мне и заключает в крепкие объятия. Кажется, слезы подступают. Мне так тепло и уютно, что я готова отбросить чемодан в сторону и остаться, только чтобы все было как сейчас, в этот проникновенный, чувственный момент. Дует ветер, и волосы налипают на лицо. Я смеюсь, потому что они приятно щекочут нос и щеки. Сзади к нам подходит Брук и присоединяется к объятиям. Ну почему нельзя остановить время?

– Тебе пора, – с грустью шепчет мама, – пойдем к машине.

Мы отходим друг от друга, и мое сердце начинает стучать в разы быстрее. Появляется волнение, с которым я так тщательно боролась все утро. Ужасно боюсь новых мест, новых людей, ведь так страшно быть непонятой, стать изгоем, и что хуже, – объектом для насмешек.

– Брук, – обращаюсь я к сестре, которая провожает меня настороженным взглядом, – будь осторожна, звони мне.

Она сжимает губы и снова кивает. Мне кажется, у нее глаза на мокром месте. Я точно не уверена в своих ощущениях, но в груди есть некое предчувствие. Скорее всего, ложное. Как только дверь закроется, Брук с улыбкой выдохнет, ведь комнату не придется ни с кем делить, в двенадцать выключать светильники. Я всегда заставляю ее это делать, потому что не могу спать со светом.

– Залезай, – бодро зовет мама, открывая для меня дверцу машины.

Я уютно усаживаюсь на сиденье и смотрю на родной дом. Я безмерно буду скучать по Марилебону.

Брук машет рукой. Единственное, что не дает мне до конца успокоиться, – это ее общение с Питером – здесь, без меня.

Как только мы отъезжаем, я выдыхаю и устало откидываюсь на спинку сиденья. Пора наслаждаться моментом, а не беспокоиться обо всем подряд.

Я издалека вижу директора Харрисона, большой желтый автобус, припарковавшийся у ворот, и нескольких учеников. Надеваю солнцезащитные очки, потому что ощущаю дискомфорт. Сейчас выйду, и меня начнут изучать взглядами. Как всегда. Никогда не понимала, почему столько внимания уделяют внешнему виду. Понятное дело, что быть опрятным обязательно, но зачем так досконально изучать вещи и тело? Выяснить, одет ли человек в брендовую одежду или в одежду из секонд-хенда? Есть ли лишний волосок на теле? Есть еще куча неприятных вопросов, на которые мои одноклассники пытаются найти ответы. Мне всегда становится противно от такого пристального изучения. Мы все не идеальны и не можем соответствовать завышенным стандартам только потому, что кому-то хочется, чтобы ты им соответствовал.

– Джитта, здравствуй! – приветствует меня Харрисон.

Я смотрю по сторонам и замечаю Адриана и его подружек у лестницы. Они внимательно осматривают мою одежду, как я и предполагала, а затем одновременно отворачиваются. Ага, начинаются обсуждения.

– Доброе утро, мистер Харрисон.

Вспоминаю, что вчера я все-таки заказала кружку из официального магазина в Мадриде. Она должна прийти ровно через три недели. Время еще есть, я приеду в срок и заберу заказ.

– Ждем Маккоя и отправляемся. Вы заедете еще в одну школу за несколькими ребятами и потом уже отправитесь в Торки. Остальные ученики из других районов присоединятся немного позже.

О, отлично. У меня будет время побыть одной и немного отдохнуть.

– Замечательно, – улыбаюсь ему я.

– Держи. – Он вынимает из кармана леденцы со вкусом банана и протягивает их мне. – Тебе вчера понравились.

Этот жест невероятно мил с его стороны. Он делает меня на мгновение счастливой. Похоже, надо было заказать две кружки.

– Спасибо!

К нам подходит мама. Она оставляет чемодан возле моих ног и здоровается с директором.

– Мистер Харрисон, передаю Джит в ваши надежные руки, – произносит она, поглаживая меня по спине и с улыбкой взъерошивая мои волосы.

Харрисон смущается и краснеет. Его щеки становятся цвета алой розы, и я невольно удивляюсь его смущению.

– Я с ними не еду, миссис Эвердин, но спасибо вам за доверие! – Он откашливается, ему неловко. – С ними отправляется мисс Астер – наш куратор по проектной деятельности.

Ого! Таких подробностей я не знала. Терпеть не могу Астер. Пока я делала проект, она успела истрепать все мои нервы. Каждый день напоминала о том, что скоро сдача и я не успею, если не потороплюсь.

Я пропускаю мимо ушей дальнейший разговор мамы и директора, все это время представляя, как буду слушать в автобусе музыку и читать «Грозовой перевал». Хочу найти наушники, поэтому копошусь в рюкзаке. Я ведь не могла их забыть? Из портфеля выпадает чехол с очками, и я молюсь, чтобы стекла не разбились. Признаться, я плохо вижу и к линзам отношусь скептически. Из-за этого при мне всегда очки, но достаю я их в редких случаях – чаще всего дома, когда меня в них особо никто не видит. Кое-кто не поймет этого комплекса, но

он есть, и я пытаюсь бороться с ним. В очках я не стеснялась быть только при Дарене, Брук и родителях. Впрочем, это уже не важно.

– Джитта! – слышу тошнотворно милый голосок позади себя. Быстро поднимаю очки, а затем оборачиваюсь. Конечно же, передо мной стоит Одри. Она просто-напросто не могла не прийти проводить меня и не наговорить гадостей.

Подруга раздражена, и я понимаю это по ее красным глазам. Она сжимает руки в кулаки. Что Одри может сказать мне такого страшного, если через десять минут меня уже не будет в этом городе? Накричит, обвинит, пригрозит чем-либо?

Мы отходим с ней подальше от людей, чтобы отчетливо слышать друг друга.

– Джитта, ну что, добила своего? – сразу же вступает она в разговор с агрессией.

Я подавляю в себе смешок, но он так и хочет вырваться наружу. Ей-богу, Одри ведет себя как маленький ребенок. Сама того не понимая, она снова превращается в ту маленькую обиженную девочку, которую оставили без сладостей и, более того, поставили в угол.

Я объясняю себе ее характер проблемами в семье. Мне жаль, что отец Одри так рано ушел из жизни, а мама из-за этого порой впадает в затяжные депрессии, сопровождающиеся запоями. Если подумать логически, то Одри всегда предоставлена только самой себе, и ей очень тяжело приходится.

Раньше, когда мы тесно общались, я старалась всячески ее поддерживать, но в какой-то момент она дала мне понять, что не нуждается в помощи, в понимании, во мне. Она закрылась, и сейчас всеми способами старается выглядеть не той, кем она является на самом деле. Но это никоим образом не дает ей права унижать других и презирать за то, что у них есть то, чего она не имеет.

– Одри, поменяться не получилось. Харрисон строг в этом отношении и считает, что кому выпала возможность, тот и должен ею воспользоваться. – Я пожимаю плечами и пытаюсь скрыть свою тревогу.

Одри поправляет синие кончики волос. Ее зрачки до безумия расширяются, в глазах стоят слезы. Ей очень обидно, что она не на моем месте, и про себя я называю ее поломанной принцессой. Эмоции на лице Одри пробирают меня до мурашек. Становится чертовски больно за нее.

Она – принцесса, которая в детстве имела все: любовь окружающих, невероятно крепкую семью, восхищение, блестящий ум, талант очаровывать всех, но в один миг она потеряла свою корону. Королевство рассыпалось на мельчайшие кусочки, как и ее доброе сердце. Смерть отца, словно острый кинжал, поразила ее самые светлые стороны. Одри покрылась броней и теперь знает, что в этой жизни нужно зубами вгрызаться в любые шансы. Жалкое прозябание на окраинах этой жизни – теперь уже не миф, и за место под солнцем нужно бороться.

– Одри, – тихо произношу я, – поверь, в этой поездке нет ничего сказочного. Если ты действительно ценишь меня, то порадуйся.

Одри тяжело выдыхает. Еще немного – и она расплчется.

– Джи... ты же знаешь, это был мой единственный шанс почувствовать что-то новое. Я не могу больше так жить, изо дня в день слушая мамины истошные крики, понимая, на каком дне мы находимся. Черт возьми, если бы я не ходила на подработки по вечерам в кафе, нам не на что было бы жить, – на последнем дыхании заканчивает Одри.

Моя челюсть буквально падает. Она работает по вечерам в кафе? Не могу поверить! Ох, черт. Мы и правда перестали знать друг друга. Мое сердце сжимается, ладони потеют. Что я могу сделать? Меня пробирает дрожь. Одри бьется в истерику. Кажется, я впервые вижу ее в таком ужасном состоянии.

– Иди сюда, Оди-и, – я зову ее, как звала раньше, когда мы еще были близки. Расставляю руки по сторонам, призывая к объятиям, и через пару секунд чувствую теплое тело Одри. Я еле дышу, успокаивая, глажу ее макушку и шепчу, что все будет хорошо.

– Как же мне тяжело, Джи. Все эти годы, когда я нуждалась в поддержке, ты не замечала меня. – Она останавливается на мгновение, и я сжимаю губы в тонкую полосу. – Ты все время проводила с Дареном, а я чувствовала себя ненужной.

Ее слова режут по сердцу, а при упоминании Дарена на меня вновь находит агония. Она не должна обвинять меня в этом. Дарен... Он многое для меня сделал. Мы нашли друг друга, а Одри сама отдалилась.

– Ты молчишь, потому что знаешь, что это правда. – Одри отходит от меня, вытирая слезы. Теперь я вижу ее покрасневшие глаза и опухший нос.

– Для чего ты это говоришь, Одри? – мой тон каменеет.

– Никогда не поздно исправить свою ошибку, Джитта.

Я не понимаю ее. Совершенно не понимаю. Она говорит загадками, а у меня нет желания и сил их разгадывать.

– Извини, мне пора. – Я набираю в легкие воздуха, поворачиваюсь и делаю шаг в противоположном от нее направлении.

– Джитта, – кричит Одри мне вслед, – должна предупредить, не смей и близко приближаться к моему Маккою! Боюсь, это навлечет на тебя беду! – В ее голосе мелькает жуткий холод, отчужденность. Пару секунд назад она рыдала, а сейчас хладнокровно стоит и ухмыляется, предупреждая меня не лезть к Маккою. Такова она – Одри Моллиган.

Я возвращаюсь к месту, где меня ждут Харрисон и мама. Голова гудит, и я не сразу замечаю появление второго счастливицы. Маккой Эванс с легким рюкзаком на плече стоит рядом с Харрисоном и печатает что-то в своем телефоне. Мне не хочется его отвлекать, поэтому я тихо останавливаюсь рядом с мамой.

– Все, дорогие ребятки, – начинает говорить Харрисон, – пора отправляться!

Я целую маму в щеку и слушаю еще пару наставлений. Маккой поднимает глаза и машет мне рукой. Кивая, улыбаюсь в ответ. Раньше мы с ним пересекались только на школьных мероприятиях. Однажды, правда, участвовали в одной театральной сценке. Так что я даже не помню, как звучит его голос.

– Пока, мам, – шепчу я и забираю у нее чемодан.

Когда я подхожу к Маккою, неловкость застаёт меня врасплох. Я не знаю, с чего начать разговор.

– Джитта, верно? – спрашивает он, пристально разглядывая мои кеды.

– Лучше Джи или Джит. Встречаешь людей по одежке?

– По обуви.

Мы смеемся и быстро идем к автобусу. Мои поджилки трясутся. Внезапно я осознаю, как стремительно может измениться все в моей жизни благодаря этому путешествию. Становится страшно, кровь начинает громко пульсировать в висках.

– Повеселимся?

Сердце уходит в пятки, но я уверенно соглашаюсь на что-то новое и совершенно для меня незнакомое.

Глава 7

Дно. Якорь. Рок

Все мои надежды провести время в тишине рушатся, как только мы занимаем места в автобусе. К моему удивлению, Маккой садится рядом. Не то чтобы я разочарована этим, но такое поведение сразу же наталкивает на странные мысли. Хоть Эванс и не особо зазнавшийся парень, у ног которого вповалку лежат толпы девушек, меня все равно настораживает его открытость и любезность. Статус сына бизнесмена дает о себе знать: его уверенность всегда переваливает за отметку «средняя».

Так как Маккой учится в параллельном классе, я практически его не вижу. Мы изредка встречаемся в коридоре и при этом не произносим друг другу ни слова. Так что Маккой Эванс остается для меня загадкой, которую я, видимо, вскоре смогу разгадать.

Не могу сказать, что этот парень высокомерен, но он явно привык ко всему самому лучшему. Это становится заметно, когда Маккой начинает жаловаться на неудобные подлокотники и слишком жесткое кресло, параллельно отмечая, что пространство между сиденьями недостаточное, и заявляя, что надо было попросить его личного водителя нас отвезти.

Мы тратим много времени, забирая остальных ребят из соседних школ, и это становится еще одной темой для разговора с Маккоем, который просто поражен этими «спартанскими» условиями. Я едва сдерживаю смех. Он искусно играет бровями, когда жалуется, и на это невозможно смотреть без усмешки. Я сжимаю губы, чтобы не расхохотаться. Интересно, что еще покажется ему невыносимым?

– Хорошо, что нам не далеко ехать. – Он откидывается на сиденье и пытается принять удобное положение. С третьей попытки, кажется, у него получается.

– А я люблю долгую дорогу, – признаюсь я ему, – можно расслабиться, подумать о важном, расставить все по полочкам у себя в голове. – Я говорю абсолютную правду. Меня всегда до визга радовали поездки куда-нибудь далеко-далеко от дома с родителями и Брук. Когда папа возвращался с работы, если только работой можно назвать его род деятельности, мы часто отправлялись в путешествия. Однажды даже побывали в Шотландии. Такие ценные моменты остаются в памяти надолго и радуют душу.

– Я тоже, – с раздражением выдыхает Маккой, – но в комфорте.

Я воспринимаю этот ответ как укол в сторону той, чьи родители не владеют миллионами фунтов и огромной компанией. Наверное, в его окружении все – дети магнатов. Мучит только один вопрос: зачем ему тогда было идти в абсолютно обычную школу, если он мог позволить себе более престижную?

– Маккой. – Я обращаюсь к нему, и он убирает свой мобильник в карман джинсовых шорт, которые я, к слову, не привыкла видеть на парнях.

Дарен не любил их носить и считал, что это безвкусно, особенно если они очень протертые, светлые и выше колен. Точь-в-точь как те, что сейчас на Маккое.

Я поднимаю взгляд выше, рассматривая его рубашку с клетчатым принтом, и вижу маленькую нашивку с названием бренда. Burberry. В принципе, чего и стоило ожидать.

Мне вдруг становится неловко, когда я понимаю, что рассматриваю Эванса чересчур пристально, и я быстро опускаю голову.

Он все еще ждет моего вопроса. Я теряюсь, так как почему-то чувствую себя сейчас несколько приниженной. Неужели его дорогие вещи и легкое отношение к роскоши так влияют на меня? Делаю пару выдохов, чтобы окончательно прийти в себя. Такая реакция ненормальна. Дарен бы отчитал меня как следует.

– Какая у тебя тема проекта? – быстро задаю ему первый пришедший на ум вопрос.

– Психологические якоря как объект влияния на психику. – Он проговаривает все четко, и у меня расширяются зрачки – ну и серьезная же у него тема!

Он явно очень много работал над своим проектом. У меня не остается сомнений насчет того, почему его работа выиграла в конкурсе. А вот моя... Как же я оказалась на одной ступени с ним?

Я безумно боюсь его ответной реакции. Не хочу отвечать на встречный вопрос, ведь мой ответ не такой, как его: не восхищающий, не вдохновляющий, не уверенный.

– Здорово, – тихо выпаливаю я, чувствуя, как щеки наливаются краской.

– А ты какую тему выбрала?

Я готова провалиться на месте. Считаю до трех – так меня учил Дарен. Я помню все его советы. Нельзя показывать слабость и неуверенность. Набираю воздуха в легкие, а затем поднимаю на Эванса глаза и с деланным воодушевлением восклицаю:

– Бабочки! Я исследовала жизнь бабочек.

Еще никогда я не давала таких четких и уверенных ответов. Произношу это настолько гордо, будто бабочки – самые прекрасные существа на Земле. Впрочем, так и есть. И они уж точно никогда не причинят никому боль.

– Оу. – Он на секунду замирает. – Должно быть, круто. – Никакого энтузиазма в его голосе. И чего я ждала? Иногда моя наивность достигает гигантских размеров.

– Какие у тебя якоря, Джит?

Я уже собираюсь отвернуться к окну, но Эванс вдруг задает мне вопрос, на который, увы, сложно ответить сразу. Ранее я не сталкивалась с понятием психологического якоря, имела лишь смутные догадки о том, что это такое.

– Почему ты уверен, что они у меня есть?

Маккой смеется и следом отпивает немного воды из бутылки.

– Они есть у девяноста девяти процентов людей на планете. Рассказать тебе подробнее? – Его глаза по-настоящему загораются, и я понимаю, как же сильно эта тема интересует Маккоя. Наверное, он ночами напролет изучал книги по психологии, чтобы сейчас иметь возможность рассказывать всем об этом.

– Да, – тихо шепчу я и собираюсь погрузиться в его рассказ.

– Сама подумай, даже в самом слове «якорь» есть то, что как будто тянет на самое дно. Когда ты находишься в определенном эмоциональном состоянии: в раздражении, в радости, в испуге, то есть у тебя возникают какие-то эмоции. Представь, что ты покаталась на карусели и тебе не понравились покачивания, потом головокружение. После, когда ты ощутишь те же самые ощущения в совершенно другой ситуации, не на карусели, а где-то еще, тебе будет так же неприятно от них. Якорем может стать все что угодно: мелодия, кинетический образ, прикосновение. Абсолютно все.

Мурашки бегут по коже. Почему я раньше не слышала об этом явлении?

– Даже прикосновение?

– Да. Я скажу тебе больше, Джит. – Он с улыбкой на лице качает головой. – Многие люди намеренно ставят якоря на других посредством прикосновений. Например, когда тебе очень плохо, ты задыхаешься от боли, плачешь, твой близкий друг подходит и кладет ладонь тебе на плечо. Это действует как лекарство. Представь, что в подобные мгновения он кладет ладонь всегда на одно и то же место, и ты к этому привыкаешь. Его прикосновение становится якорем, ты уже не можешь без него в тяжелые моменты. Ты отчаянно жаждешь в такие мгновения почувствовать его ладонь на своем плече. Его прикосновение – твоё лекарство.

Мой мозг кипит. Это очень глубокая тема. И мне нужно несколько секунд, чтобы осознать услышанное. Как только до меня доходит суть этого психологического явления, я тихо изумляюсь, удивленно глядя на Маккоя.

Он явно доволен, что смог меня удивить. Судя по всему, Эванс еще многое может сказать, однако дает мне время на обдумывание.

– Якорь – это привязка к чему-то. Он существует на подсознательном уровне. Кругом якоря, повсюду. Порой попадают до абсурда смешные якоря. Однажды не обойдешь лужу, наступишь в нее, а потом и день будет ну очень неудачный. И в следующий раз, наступив в лужу, ты будешь ждать такого же неприятного дня. Будешь думать: «Ну все, и этот день сулит плохие вести». За это я и люблю психологию, в ней столько неизведанного, столько интересного. Ведь в каждом из нас есть то, что исследуют психологи, социологи, философы.

Тяжело дышать. Сжимаю губы и прикладываю все усилия, чтобы не закричать.

Дарен. Дарен. Дарен. В моей голове взрывается настоящий фейерверк. В глазах все искрится. Я вспоминаю его прикосновения в моменты радости. Когда я разрывалась на кусочки от счастья, он был рядом и нежно трепал мою макушку. Всегда. Я, наконец, осознаю, какую потребность испытывала и почему не получалось до конца прочувствовать радость, когда все, казалось бы, способствовало этому. Меня охватывает непонятное чувство: страх, смешанный с отчаянием, а также привкус чего-то металлически-холодного – напоминание о смерти.

– Джит? Ты еще тут? Или я тебя слишком загрузил? – Маккой немного волнуется, видя мое смятение.

Я киваю, но продолжаю думать о своем. Для чего Дарен всегда гладил меня по макушке? Хотя нет, я не должна копаться в этом. Он просто делал это по привычке, тут глупо искать скрытый смысл.

– Все в порядке. – Я натягиваю на себя улыбку, чтобы выказать благодарность Эвансу. – Спасибо, что просветил меня.

Остаток времени мы едем молча, и я все никак не могу выбросить из головы то, что узнала. Сколько же у меня таких якорей? Сколько предрассудков и неосознанных действий? На миг мне кажется, что мое прошлое представление о жизни абсолютно неверно. Оно было фальшивым, поскольку на самом деле и я – не такая, как мне казалось, и все окружающее – тоже. Как много я не замечала раньше, сколько всего прошло мимо меня... Становится жутко.

Мои размышления прерывает звук уведомления на телефоне. Смотрю на экран и вижу там сообщения от Брук. Не успела я уехать, а она уже соскучилась?

Несколько фотографий и крупный текст – написано капсом. Брук всегда пишет так, чтобы привлечь внимание. Это сообщение, видимо, срочное.

«Ты уже в лагере? Мы с мамой в торговом центре. ПОМОГИ ВЫБРАТЬ ПЛАТЬЕ НА ВЫПУСКНОЙ. СОС!»

Я до сих пор не до конца вернулась в реальность. Отсчитывая до пяти, постепенно прихожу в себя. Так: Брук, выпускной, платье!

В глубине души я злюсь на то, что они отправились за платьем без меня, но все же просматриваю фотографии. На первой Брук стоит в длинном белом платье, и я внутренне содрогаюсь.

Печатаю в ответ: «МЫ НЕ ВЫДАЕМ ТЕБЯ ЗАМУЖ. СНИМИ ЭТУ ПРОСТЫНЮ».

И маме с Брук явно не хватает меня.

Пролистываю дальше. Второе платье значительно короче, черного цвета с бантом посередине. Меня приводит в ужас бант, и я сразу же пишу: «И В ДЕРЕВНЮ ТЕБЯ ТОЖЕ НЕ ОТПРАВЛЯЕМ».

Обратная реакция Брук не заставляет себя долго ждать. Получаю от нее злые смайлики.

«Я посмеюсь над тобой, когда настанет твой черед выбирать чертово платье для выпускного».

Ухмыляюсь про себя. Еще чего! Я выберу удобные брюки и рубашку. Это Брук у нас принцесса, особенно в последнее время. А я хоть и любила в детстве ходить по магазинам,

подбирать различные образы, сейчас же потеряла всякий интерес. Может, он еще вернется, но пока я в этом не уверена.

«Пришли потом, что купите» – напоследок отправляю ей с уверенностью, что к моим советам Брук прислушается, но сделает по-своему. Она та еще заноза.

– Хей, я уже минут семь пытаюсь обратить твое внимание на себя, – произносит Маккой, и я хмурюсь.

– Я тебя слышу, – осипшим голосом отвечаю я Эвансу.

Маккой выглядит немного помятым. Ему явно доставляет дискомфорт автобус среднего класса. Ехали бы мы на «Мерседесе», возможно, он выглядел бы немного свежее.

– Что ты хотел? – Я стараюсь быть дружелюбной, хотя мне немного некомфортно из-за его навязчивости.

– Мы подъезжаем. Впереди въезд на территорию.

Маккой складывает наушники, бутылку и книгу, которую он успел достать, вероятно, когда я отвлеклась. Он в предвкушении. И я тоже. Я ерзаю на месте в попытках скорее рассмотреть территорию. Здесь очень много зелени, все буквально осыпано цветами, и вдалеке уже виднеются те холмы, о которых я грезила. Они тут, наяву! Вижу тропинку слева, по которой уже взбираются люди. Невероятное зрелище! Через несколько часов и я смогу оказаться на вершине.

– Посмотри, Джитта, – обращается ко мне Эванс и указывает пальцем в сторону маленького водопада.

Я широко раскрываю глаза. Это действительно он. Начинаю дышать полной грудью и забываю о недавних мыслях.

Водопад. Холмы. Цветочный сад. Что это, если не рай? Моя будущая сказка, в которой я сыграю роль главной героини. Пусть будет так.

Глава 8

Рок и шум волн

Когда я представляла себе обстановку в лагере, то в голове моментально всплывали картинки с деревянными домиками, расположенными по периметру территории и обнесенными невысокими заборчиками. Никаких лишних построек, кроме самых необходимых, да и в принципе ничего особенного и вдохновляющего. Как же я обрадовалась теперь, когда поняла, что ошибалась! Все оказалось совершенно другим: парк и цветочная аллея рядом, холмы, на которые можно подняться, побережье, порт, песчаный пляж...

Встретившие нас учителя уже рассказали о музыкальной студии, расположившейся недалеко от домиков, в которых мы будем жить, о большом холле центрального здания, где будет проходить презентация проектов. А еще пообещали раздать листы с расписанием наших выступлений.

Меня немного трясет от волнения. Здесь столько всего, что я не верю своим глазам. Хочется кричать и плакать от счастья.

Правда, после того как нас с Макком разделили у выхода из автобуса, я чувствую себя одиноко. Поэтому, следуя за мисс Астер, я всячески пытаюсь себя отвлечь.

– Джитта! – Слышу, как она зовет меня, поэтому подхожу ближе.

Мы шагаем за двумя взрослыми женщинами. Они, вероятно, намного старше мисс Астер и, по сравнению с ней, занимают более высокие должности. Не исключаю, что они и являются организаторами этого огромного мероприятия. Скоро эти женщины покажут мне место, где я буду жить, а после проводят мисс Астер. Сейчас я просто молюсь, чтобы ее поселили подальше от меня, лучше всего в другой конец лагеря, за длинной аллеей.

– Да, мисс Астер? – Я оказываюсь рядом и чувствую резкий запах ее духов. Он бьет в нос, и мне хочется чихнуть. Глаза начинают слезиться. Не хватало мне аллергии! Но кажется, это именно она, потому что в следующую секунду я чихаю три раза подряд.

– Что это с тобой? – Она искренне удивляется.

«Ваше присутствие так на меня влияет», – произношу я про себя, не осмеливаясь огрызнуться вслух.

Я чихаю еще несколько раз, после чего отхожу подальше от мисс Астер. Аллергия постепенно сходит на нет. Только сейчас я обращаю внимание на наряд учительницы: синие кожаные штаны, сапоги с ремешками, похожие на ковбойские, шелковая блузка. В целом смотрится всё это убийственно, меня пугает ее вид. Кажется, весь лагерь будет насмехаться над ней.

– Твоя работа показалась мне сырой.

«Скажу честно, – перевожу я для себя слова мисс Астер, – я удивилась, когда узнала, что ты едешь».

– Не буду врать, – продолжает она. – Но потом я увидела обновленную версию проекта и нашла в ней что-то особенное.

Обновленную версию? Подозрительно. Последний раз я вносила поправки в проект за неделю до сдачи, но они были не кардинальными, я лишь проверила пунктуацию и орфографию. Это все очень странно. Чертовски странно.

– Особенное? – переспрашиваю, пытаюсь узнать, что она имеет в виду, скрываясь за этими неоднозначными понятиями.

– Да, я посмотрела на проект по-новому. Твоя работа очень живая. И тот анализ, параллели между бабочкой и человеком... – Она останавливается, всматриваясь мне в глаза. – Меня восхитила твоя задумка.

Что? Кажется, меня подводит слух. Иначе я не могу объяснить слова мисс Астер. Она что, похвалила меня?

– Вы так считаете? – Мой голос звучит тихо.

Я вновь превращаюсь в беспомощную маленькую девочку, которая чувствует чье-то превосходство над собой. Ненавижу это ощущение. Голос слабеет, когда я разговариваю с учителями, потому что у них есть сила и власть, у меня же их нет. Они могут просто растоптать меня – как морально, так и умственно. А из-за провалов в учебе и плохих оценок мне еще тяжелее собраться, поэтому учителя поднимаются в моих глазах еще на уровень выше, и это самое сильное наказание. Мой голос выдает жуткую неуверенность перед ними.

– Да, ты выросла за этот год. И это видно по твоим работам.

– Спасибо. – Я практически шепотом благодарю ее. Что-то во мне сжимается до микроскопических размеров.

Дальше мы идем в абсолютной тишине. Я успеваю рассмотреть в деталях территорию: высокие пальмы – разглядываю их, высоко поднимая голову и жмурясь от яркого солнца; дома из бежевого камня, что, стоя по обе стороны от дорожки, выстраиваются в две ровные линии. Я постоянно хочу свернуть по тропинке к какому-нибудь домику, но меня ведут все дальше и дальше к пляжу.

Погода шепчет. Солнечные лучики приятно щекочут лицо. Мне нравится атмосфера этого места: здесь так сказочно! Не хватает только волшебного пения птиц.

Я мельком бросаю взгляд на маленькие подушки, выложенные по кругу чуть дальше аллеи. Кажется, здесь будет проходить что-то наподобие «свечки». Не уверена, что правильно назвала, но я немного почитала в интернете о традициях в лагерях. Наверное, здесь мы будем знакомиться друг с другом, и это очень волнующе.

Женщины, имена которых я не расслышала, останавливаются и оборачиваются к нам с мисс Астер. Они улыбаются и рукой показывают на самый последний домик, который стоит ближе всего к берегу моря. Я поражаюсь своей удаче. Ничего себе! И правда сказка! Я даже слышу шум прибоя. Неужели это для меня?

– Джитта Эвердин, добро пожаловать! Это твой домик на время пребывания здесь. – Очень низкая рыжеволосая женщина поднимается на крыльцо и открывает дверь.

Я переглядываюсь с мисс Астер, и та добродушно кивает. Она открывается для меня с новой стороны. Никогда бы не подумала, что, несмотря на внешнюю холодность и черствость, в глубине души она добрая. Какая же она настоящая? Возможно, я выясню это за предстоящие три недели.

Меня приглашают зайти внутрь. Мисс Астер желает напоследок удачи и покидает нас с одной из незнакомых женщин, я остаюсь с рыжеволосой дамой наедине... или нет? Мгновение назад никакого шума не было, но сейчас вдруг мы слышим оглушительный грохот рок-музыки. Удивление на лице женщины перерастает в шок. Открывая дверь ключом, она явно не ожидала увидеть здесь кого-то.

Мы проходим в глубь дома и видим сидящую на постели девчонку. Она совершенно спокойна.

– Девушка, а вы кто? – Рыжеволосая хмурится, набирая воздуха в легкие и выпрямляя спину. Она будто хищная птица, которая готовится напасть на добычу, в то время как незнакомка, полулежа, продолжает мотать головой в такт музыке, жует жвачку и пропускает ее слова мимо ушей.

Мне становится не по себе. Хочется выйти отсюда и подышать свежим воздухом. Сейчас я здесь явно лишняя.

– Девушка, я вам вопрос задала. Как вы здесь оказались? И почему дверь была заперта?

Та снова молчит. Мне уже далеко не до радостных улыбок. Я поторопилась, сказав, как мне повезло. По-видимому, эта брюнетка с проколотыми носом и губой, положившая свои

черные ботильоны на белую простыню, и есть моя соседка, с которой я буду делить комнату все это время.

– Я все же настоятельно прошу вас ответить мне! – Тон женщины становится более грубым, она восклицает громко, пытаясь перекрыть доносящуюся из колонки музыку. М-да, моя соседка еще и поклонница Slipknot. Хотела бы я сейчас взвыть и спросить: что мне теперь делать? Rammstein я еще выношу, но любимую группу этой девицы – явно нет. Мне сложно слушать тяжелый рок, для этого нужно определенное настроение и внутреннее состояние.

Незнакомка громко цокает и убирает ноги с постели. Она оглядывает меня пристальным взглядом и пускает легкий смешок. Я закусываю губу в напряжении и нервно жду, пока ситуация разрешится.

– Меня сюда привели рано утром, когда я приехала. Никаких вопросов быть не должно, – односложные ответы вырываются из ее уст. Она говорит медленно, и я наконец слышу ее необычайно грубый голос. Иногда тональность ее голоса даже слишком неприятно отдается в ушах.

– Кто? Назовите имя и фамилию. – Женщина не отступает.

– Не помню, – безразлично отвечает незнакомка, направляясь к зеркалу.

Она встает около него и бросает пару взглядов на себя, поправляя средней длины волосы. Как много можно сказать о человеке, посмотрев на его поведение? Иногда кажется, что очень много, но пока я лучше оставлю догадки при себе, потому что по обложке не судят. Нужно хорошенько узнать ее как человека, а потом уже делать выводы.

– Хорошо, мы с этим разберемся. Джитта, – обращается женщина ко мне, – располагайся. Вот твоя кровать, ванная за той дверью. Если что-то понадобится – непременно сообщи.

Я киваю. Слышу усмешку за спиной. Даже музыка ее не заглушила.

– Спасибо вам, – быстро проговариваю я, хватая свой чемодан.

– А насчет вас, девушка, мы еще разберемся. Скажите свою фамилию. – Рыжеволосая дама достаточно спокойно спрашивает мою новую знакомую, в которой уже вовсю кипит злость. Кажется, она готова взорваться из-за того, что мы ворвались в ее личное пространство.

– Да что вам надо от меня, коротышка? – Она ехидно выдает ответ женщине, упирая руки в боки, а та охает.

Мне жаль рыжеволосую: она взрослый человек, а на нее прыскает желчью какая-то девица. Такие люди, как моя новая соседка, очевидно, чем-то больны. Больны обидами. Больны предательствами. Больны проблемами в семье. Но они точно не здоровы, ибо кто будет обижать людей просто так? А для нее это, вероятно, как глазом моргнуть – легко и непринужденно.

– Фамилия? – четче и громче спрашивает дама.

– Аддерли. Ванесса Аддерли.

Как только мы оказываемся вдвоем, между нами повисает молчание. Я принимаюсь разбирать чемодан, а Ванесса пристально наблюдает за мной. Кажется, лучшим вариантом будет молчать и игнорировать друг друга. Но нет, моя соседка так не считает.

– Неужели ко мне прилетел ангел?

Аддерли подходит и садится на мою кровать. Я стискиваю зубы. Она сидит на подушке, где потом будет лежать мое лицо – очень опрометчиво.

– Ты не могла бы встать? – прошу я ее, поднимая глаза.

Она смеется и касается пальцем своего кольца в носу. Крутит его несколько секунд, а я в то же время раздраженно вздыхаю, не выдерживая. Почему все до конца не может быть идеально? Почему постоянно что-то должно испортить все впечатление?

– Встань, пожалуйста. – Я еще раз достаточно спокойно обращаюсь к Аддерли. Нет сил устраивать скандал.

Ванесса без спроса вытаскивает из чемодана мое белье, которое лежит сверху, и это на миг меня парализует.

– Это не твое, Ванесса. Положи на место.

Она прикладывает мой лифчик к своей груди и продолжает смеяться.

– А ты не такая уж и худая.

Черт, Джитта, держись. Только не смей расстраиваться. Дыши. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Боль пронзает тело. Каждой клеточкой чувствую острое покалывание – мои надежды на хороший отдых рухнули.

– Отдай сюда! Кто тебе позволил трогать мои вещи? – Я по-настоящему кричу на нее, позволяя эмоциям вырваться наружу.

Ванесса крутит на пальце белье и кидает его в меня. Я ловлю вещи и быстро убираю их в чемодан. Она же неадекватная, неуправляемая!.. Как я справлюсь с такой? Ванесса слишком сильная. Я не вижу ее слабых мест. Не вижу, потому что такие люди закрываются от внешнего мира, и сложно понять, что в них не фальшивое.

– Ангел, успокойся. Чего ты взбушевалась? Послушай музыку, расслабься. – Она врубает звук на колонке на полную.

– Сделай потише.

– Чего-чего? – Она демонстративно подставляет руку к уху, изображая интерес к тому, что я говорю. – Не слышу тебя, ангел.

И не услышишь.

В кармане вибрирует телефон, и это спасает меня. Выхожу на улицу и стремительно отбегаю на пару метров, чтобы услышать хоть что-нибудь. На экране высвечивается: «Мама». Я отвечаю на звонок на свой страх и риск. Если она поймет, что у меня что-то не так, то сразу же приедет и заберет меня. Для нее не существует никаких преград, никакого расстояния, если ее дети в беде, и я ценю маму за это. Она просто любит нас с Брук такими, какие мы есть. Всегда и везде, вне зависимости от настроения.

– Милая, – слышится на том конце, – как ты?

– В порядке, мам. Все хорошо, я только зашла в свой дом. – Я пытаюсь передать маме спокойствие, которого на самом деле нет.

– О! Ты живешь одна?

Я сглатываю, не зная, как ответить. Придется врать.

– Нет. Со мной живет милая девочка.

– Милая? Я рада за тебя! Вы уже успели познакомиться?

– Да. Чудесная, – пересиливаю я себя. В том, что я наврала маме, есть только один плюс: она будет спокойна.

– Как ты себя чувствуешь? Устала в дороге? – Мама с теплотой интересуется моим состоянием.

Уют родного дома сквозь телефон волшебным образом добирается до меня. Я даже немного забываюсь и выпадаю из отвратительной атмосферы, созданной моей соседкой.

– Немного устала, мам. Я позвоню вам завтра. Мне нужно время, чтобы разобрать чемодан и обустроиться.

Ложь тяжелым грузом ложится на плечи. Терпеть не могу врать.

– Конечно, Джи. Хорошего тебе вечера!

– И тебе.

Уж вечер точно не выйдет хорошим. Я предчувствую это очень явно.

Глава 9

Вспоминай, одуванчик

Порой люди переступают за приемлемые в обществе границы. В них просыпается обостренное самолюбие, которое не дает опуститься на землю, на уровень окружающих. Все – отребье. Я – центр Вселенной. Именно этими мыслями они объясняют все действия.

Аддерли так и не выключила музыку, несмотря на мои бесконечные просьбы. Барабанные перепонки теперь болят от напряжения. Еще бы, я ведь не привыкла включать на полную громкость колонку и слушать песни в маленькой комнатке.

Неприметно наблюдая за Ванессой, я замечаю в ней одну странность: она часто закрывает глаза и уходит в свой собственный мир. Ее не волнует ничего, что происходит вне его. Какие-то мысли заполняют ее голову, и она витает в них, подолгу не возвращаясь назад. Она начинает меня заинтересовывать. Хоть Аддерли и кажется грубой и безнравственной, в ней таится что-то, близкое мне по духу.

– Ванесса? – тихо обращаюсь к ней, моля всех богов, чтобы она отреагировала адекватно. Кажется, она способна на все. Способна порвать мою одежду, разломать всю мебель, нагрубить, не жалея выражений.

В ответ – тишина. От подступившего кома неуверенности, который был вызван ее королевской манерой, в легких неприятно колет. Мне становится душно.

За последний час меня добавили в чат женского блока, который находится по правую сторону от главной аллеи. Там также есть мисс Астер, рыжеволосая дама (оказывается, ее зовут Каролина) и другие кураторы проектов. В чате делятся важной информацией. В одном из сообщений предупредили о вечернем сборе – нас хотят познакомить друг с другом. Я задумываюсь. Как можно за раз познакомить семьдесят человек? Загадка. Организаторы планируют показать нам, в чем суть и какова концепция лагеря, рассказать о презентации проектов и о многом другом.

Сбор назначили уже на шесть вечера и объяснили это тем, что все ученики прибыли на место. Прошел лишь час с момента моего приезда, а уже и все остальные добрались. Меня удивляет их скорость.

– Ты идешь? Без десяти шесть.

– С чего это вдруг я должна идти?

Я подавляю в себе желание закричать от злости. Глядя в глаза Аддерли, я замечаю в них полнейшее безразличие к происходящему. Меня пробивает озноб, и в следующий миг взгляд падает на сережку в виде перевернутого креста в ее правом ухе. Черт, что с ней не так?

– Как хочешь.

Я оставляю ее одну. Хлопаю дверь и следую по аллее к главному зданию. Радость, направленную огромным восхищением, почти невозможно скрыть. Мне выпадает прекрасный шанс насладиться окружающим миром: пальмами, чудесной погодой, легким бризом.

Поодаль от меня находится группа подростков. Впереди и слева еще несколько человек. Все идут в одном направлении, и я машинально одергиваю штанины комбинезона пониже и поправляю футболку, чтобы выглядеть лучше.

По привычке прищуриваю глаза и нахожу Маккоя среди веселой компании: до меня доносится звонкий смех трех девушек, которые одновременно хихикают. Хоть бы он не заметил меня, не хочу к ним подходить.

Опускаю голову и ускоряю шаг.

– Эй! Джитта!

Черт побери! Зачем он позвал меня?

Его крик останавливает. Я на ватных ногах разворачиваюсь и в мыслях прокручиваю всевозможные слова, с которых можно начать разговор.

Меня буквально исследуют взглядами, из-за чего по коже бегут мурашки. Стараясь держаться более-менее уверенно, я поднимаю взгляд и на автомате направляюсь к Маккою.

– Привет, – обращаюсь ко всем с опаской, на что получаю в ответ кивки от трех девчонок.

Блондин, стоящий в стороне, не удосуживается даже кивнуть. Он изучает меня взглядом, крутя складной нож вокруг указательного пальца.

Сам Маккой приближается ко мне с полуулыбкой на румянном лице. Он поменял футболку, но оставил джинсовые шорты. Мое чувство прекрасного страдает: по-моему, мусорка очень жаждет заполнить эти шорты.

– Познакомься с ребятами, они все из Уэльса. Мэри, Сандра, Салли, – называет он их всех по именам, указывая взглядом на каждого, – а это Филипп.

Все молчат, и я чувствую себя лишней. Будто никто не хотел нашего знакомства. Пока я слушаю Маккою, замечаю, как пристально Сандра смотрит на Филиппа. Он, очевидно, ей очень нравится. Вот только этот парень не из тех, кто так просто знакомится и подпускает к себе близко, – загадочный, манерный, красивый. Я сразу поняла, что он знает себе цену, и цена эта запредельно высокая. Ему ничего не стоит устроить игру, в которой девчонки будут бороться за его сердце, и оно все равно никому не достанется. Он разобьет надежды игроков, и это возвысит его в его собственных глазах. Так работает эта схема. И мне не нужно даже время, чтобы раскусить Филиппа. Здесь не работает правило: узнай человека, а потом сделай выводы. В этом случае я уже знаю, с кем имею дело.

– Джитта? Ты с нами?

Как неловко. Неужели все это время я пялилась на Филиппа и пропустила мимо ушей речь Маккою? О черт!

– Да. – Я пытаюсь мило улыбнуться. – С вами.

Филипп ухмыляется и опирается о деревянный столб, складывая руки на груди. Маккою же кидает мне злобный взгляд, намекая, видимо, на то, что я некрасиво себя веду.

– Джитта, как тебе здесь? Нравится? – с холодом в голосе спрашивает, кажется, Салли – если я правильно запомнила ее имя. Или, может, это была Мэри... Думаю, она задала вопрос только для того, чтобы не показаться грубой Маккою. В любой другой ситуации, уверена, я вошла бы в ее список игнорирования.

– Нравится. Тут красиво. А вам?

Сандра единственная, кто не смотрит на меня оценивающим взглядом. Она переводит глаза с Филиппа на траву и больше никуда. Наша беседа для нее скучна, ведь в мыслях лишь этот загадочный Филипп. Бедная девочка. Если он разобьет ей сердце, вряд ли потом она будет уверенной в себе – такой, какой она предстает перед нами сейчас: плечи выпрямлены, поза открытая, голова приподнята, а глаза искрятся.

– Мы второй раз в этом лагере, – гордо говорит она, – в прошлом году тоже приезжали благодаря победе в конкурсе.

Почему-то мне не верится, что это правда. Вся их одежда кричит о достатке. Повседневные майки у них фирменные: Gucci, Chanel, Balenciaga. У Сандры даже солнцезащитные очки со стеклами, на которых красуется надпись Dior. Поэтому заработок родителей, возможно, решил их проблемы с проектами и пребыванием тут.

Теперь все становится понятно. Маккою попал-таки в свою среду. В среду, где деньги затмевают душу, а крепкая дружба объясняется совпадениями в брендовых вкусах.

– Ты успела осмотреться? – Эванс с интересом задает вопрос. – Я узнал насчет холмов. На них можно подниматься до пяти вечера.

– До пяти? Значит, я не успею сегодня...

Немного расстраиваюсь, ведь желание взобраться туда и увидеть прекрасные пейзажи, не теряя при этом ни капли времени, уже охватило меня полностью.

– У тебя еще три недели. Я просто предупредил. – Он пожимает плечами.

– Спасибо. – Я прикусываю губу в легком смущении. – Увидимся тогда. Приятно было познакомиться с вами.

– Ага, – слышу я после того, как отхожу в сторону.

– Постой, Джитта. – Голос Филиппа, который я ранее не слышала, врзается мне в уши.

Я задерживаю дыхание от неожиданности и замираю на месте. Чего он от меня хочет?

Медленно оборачиваюсь, вновь в страхе. Чего я боюсь? Каждого его движения. Такие приметные парни никогда не обращаются к тебе просто так, всегда есть определенная цель, которой они хотят добиться.

Филипп подходит ближе. Похоже, цирковое представление для всех начинается – ребята заинтересованно наблюдают за его действиями, и, безусловно, во взгляде Сандры, направленном на меня, я замечаю агрессию.

– У тебя лямка перевернулась.

Дыхание сбивается, когда он приближается ко мне вплотную и переворачивает лямку на комбинезоне, а потом шепчет мне на ухо:

– Вспоминай, Джи, кто я такой.

Меня пробивает дрожью. Сильнейшей дрожью из всех, что я когда-либо чувствовала. Филипп. Филипп. Я не знаю никакого Филиппа, определенно.

– Вспоминай, одуванчик.

Отсчитываю ровно пять секунд. Не спеша, глубоко дыша. «Одуванчик». От этого слова будто током прошибает. Ощущаю, что я не в силах справиться с нахлынувшей болью. Меня словно с головы до пят облили ледяной водой. Все это из-за хитрых ухмылок, горячего, опаляющего мое ухо дыхания и металлического взгляда проклято-черных глаз Филиппа.

– Отойди, – сквозь зубы шиплю я, сильно сжимая кулаки. Делаю шаг назад, меня шатает. Тяжело удержать равновесие. Все замечают, что со мной что-то происходит. Я будто оказываюсь в клетке. Каждый прут в ее решетке – одна из моих ран.

Филипп смеется, как ни в чем не бывало поправляет свою прическу. Господи! Я хочу провалиться сквозь землю.

Ухожу так быстро, как только позволяют гудящие ноги. В ушах стоит лишь звон и отголосок его хриплого смеха. Я будто превращаюсь в марионетку, не чувствующую собственного тела. Когда я отхожу достаточно далеко, то опускаюсь на землю, падаю, позволяя себе проявить слабость. Задыхаюсь от слез, и не вижу ничего, кроме леденящих душу воспоминаний.

Я кручусь перед зеркалом, рассматривая свой наряд: синее платье чуть ниже колена, кружевной пояс, бордовые балетки. Высокий хвост подчеркивает шею и немного выделяющиеся ключицы.

– Ну, как я выгляжу? Отвечай честно, Дарен! – спрашиваю я, глубоко в душе надеясь на одобрение.

Он сидит на моей кровати и улыбается. Кажется, мне больше ничего не нужно. Его улыбка придает уверенности, отчего я на миг чувствую себя королевой.

– Джи, это плохая идея. Ты его совсем не знаешь и идти к нему на встречу глупо. – Он крутит пальцем у виска и жалобно усмехается.

Дарен не понимает, о чем говорит. Как я могу отказаться от возможности пойти на первое свидание в своей жизни? И что, что мы познакомились в интернете? Я уверена в Филе.

Он написал мне первым. Сначала поставил лайк, что уже заставило меня трепетать от радости, а потом прислал сообщение. На его странице было несколько фотографий: одна из них – со спины в форме юношеской сборной по баскетболу, а другая немного показывала

его лицо и спортивное тело: пресс и накаченные икры ног. Я не представляла, чем могла ему понравиться. Что было во мне такого? Тем более на моей странице висели не изображения моделей из интернета, а мои настоящие. И все же мы переписывались каждую ночь, разговаривая обо всем на свете. За две недели сблизилась так сильно, что были уже как давние друзья.

Дарен же не одобрял нашего общения, всячески пытался заставить меня удалить Фила из друзей, игнорировать, и это меня обижало. В кои-то веки я понравилась кому-то, а он не дает мне шанса быть счастливой.

– Перестань. Он замечательный, правда.

– То, что он называет тебя одуванчиком, еще ни о чем хорошем не говорит, Джитта. Когда же ты повзрослеешь! – взывает Дарен к небесам и откидывается на постель, раскинув руки.

В груди неприятно колет – неприятно слышать такое от Дарена, – но я продолжаю собираться.

– В любом случае это небезопасно. Я пойду с тобой.

Я громко смеюсь. Смех медленно переходит в бурный хохот. Со мной? Что за бред!

– Нет, Дарен, ты не пойдешь со мной. Я ценю твою заботу, но я далеко не маленькая девочка, которую нужно опекать.

– Джит, будь осторожнее, умоляю.

В тот вечер Дарен будто предчувствовал надвигающийся ураган. Не знаю, как ему это удалось, но он спас меня. Спас в буквальном смысле слова.

Фил назначил нашу встречу на вечер, недалеко от Риджентс-парка. Я пришла первой и продрогла, пока ждала его. На улице было не так тепло, как мне изначально показалось, но эйфория согревала. Мне хотелось взлететь от счастья.

Время шло, и вот вдали я наконец заметила силуэт, даже не один, а несколько. Я моментально сжалась, как котенок, когда поняла, что на меня надвигаются два здоровенных парня. Подалась назад, оглядываясь в поисках людей рядом, но вокруг было пусто.

Что за глупая шутка? Он не говорил, что придет с другом.

– Привет, одуванчик, – произнес Фил.

Его лицо в темноте сложно было разглядеть, но я отчетливо увидела глаза. Черные, как крошечная тьма, искрящиеся в свете фонарей.

Эти парни были на две головы выше меня. К горлу подступил ком, от страха мне захотелось рвануть с места и убежать.

– Вот мы и встретились, – тихо выпалил он.

Я попыталась улыбнуться, но не вышло. Фил странно прошелся по мне взглядом, из-за чего все внутри перевернулось в мгновение ока.

– А ты не говорил, что она та еще булка, – обратился к Филу его друг. – Обещал найти мне нормальную, а привел это «чудо».

Я стояла как вкопанная. Глаза наливались слезами. Мне было больно. Чертовски больно.

– Я не буду платить.

– Да брось, Вэйн. Какая тебе разница. Ты просил – я выполнил свое дело.

– Ч-т-о-о происходит, Фил? – Мой голос предательски дрожал, а слезы уже текли по щекам.

Я начала еще быстрее отходить назад, но они ступали своими огромными шагами, надвигаясь на меня.

– Куда же ты? Тебя точно ветром не сдует, одуванчик!

Сердце выпрыгивало из груди от страха. Я рванула с места и побежала так быстро, как никогда, приложив все усилия. Мне удалось повернуть за угол, в узкие улочки. Я знала только один путь, по которому можно было добраться до дома.

Остановившись, я спряталась за мусорными баками. Когда услышала приближающиеся шаги, то молилась всем богам о спасении. Мне хотелось кричать от ужаса. Я сжала зубами ткань своего платья и попыталась не издавать ни звука. Дождалась, пока парни уйдут, а затем дрожащими руками нащупала телефон в сумочке.

*– Д-д-дарен! – Мои силы иссякли. Только слезы, смешиваясь с тушью, продолжали ска-
тываться по щекам.*

– Джит? Я пошел по твоему пути, но не нашел тебя. Где ты?

Его родной голос на секунду меня успокоил. Я наконец ощутила себя в безопасности.

– Я... я за кондитерской Флетчера.

– Ты в порядке? Я уже близко.

Когда Дарен нашел меня, я бросилась в его объятия и зарыдала, уткнувшись ему в плечо. Он крепко прижал меня к себе и без моих рассказов все понял. Не стал расспрашивать, а просто позволил выплакаться.

С той секунды я перестала верить в то, что могу по-настоящему кому-то нравиться. И именно тогда я осознала, что никого дороже Дарена у меня никогда не будет.

Глава 10

Услышь меня

Терять людей – это как получать ножевые ранения в грудную клетку. Ощущать, как тебе распарывают тело, обнажая обливающееся кровью сердце.

Смерть Дарена нещадно разломала меня на части. Казалось, совсем недавно он сидел рядом, положив голову мне на плечо. Будто еще вчера мы разговаривали обо всем на свете и решали те проблемы, которые волновали нас двоих больше всего. Вместе. Мы всегда делали это вместе. Дарен никогда не давал меня в обиду. Не позволял никому даже высказаться в мою сторону как-то неприятно. А когда узнавал, что меня унижают, приходил и разбирался с теми, кто это делал.

Я скажу правду – Дарен меня оживлял. Оживлял каждое мгновение. До такой степени, что болели щеки от бесконечных улыбок, хрипел голос от смеха, и я становилась объектом наездов от Брук, которая жаловалась на то, что мы ведем себя очень громко и отвлекаем ее от занятий. Такими были наши встречи – теплыми, душевными, настоящими.

Кто бы что ни говорил, а я верю: каждый найдет своего человека, как когда-то я нашла Дарена.

Нельзя сдаваться и отрицать очевидное: в жизни неизбежны и черные и белые периоды. Заканчивается черная полоса – начинается белая. Просто нужно уметь ждать, когда закончится черная полоса. Умение это делать – настоящее искусство.

Сейчас, лежа на холодной сырой земле, прямо на самом верху холма, я смотрю на темное небо и не вижу звезд. Я пытаюсь увидеть Дарена. Глупо и по-детски с моей стороны, но внутри что-то трепещет от волнения, будто сейчас он появится.

Услышь меня.

Услышь, Дарен.

Я хочу поговорить с ним наедине и верю, что он услышит. Отбрасываю все свои заморочки и наконец-то отпускаю себя, позволяю себе вновь обрести крылья, начиная свой рассказ, посвященный ему одному.

– Привет. Столько всего изменилось с тех пор, как ты покинул этот мир. Прошло полтора года, а я все еще не могу привыкнуть к жизни без тебя. Мне тяжело, Дарен. И я не буду врать – мне не хватает тебя: твоего голоса, твоего смеха. Мы всегда держались вместе, целых шесть лет. Преодолевали трудности и вместе радовались приятным событиям. Ты помогал мне проживать все плохое с легкостью, непринужденностью, будто впереди меня всегда ждало вознаграждение. Я до сих пор следую твоим советам, только вот не хватает твоей поддержки.

Перед глазами у меня до сих пор твое задумчивое умное лицо. Ты, рассуждающий на тему счастья. Ты говорил, что счастье – это мы сами, наше отношение к окружающему миру. И ты прав. Я... я пытаюсь держаться. Пытаюсь казаться сильной при родителях и Брук. В школе ко мне многие подходят и сочувствуют, но, знаешь, есть что-то такое особенное в глазах некоторых из них. Слово они раз за разом пытаются донести до меня, что я – никто без тебя. Благодаря маминной поддержке, я держусь под этим давлением, но на душе все равно остается осадок.

В последнее время я встречаю кучу людей из нашего прошлого. Встреча с Питером стала настоящим кошмаром. Брук и Грин пара! Кто бы мог подумать, что судьба преподнесет мне такой «подарок»? Не знаю, Дарен. Ты бы посоветовал мне избегать Грина и поддерживать сестру. Так вот, не получится. Мне сложно одновременно и заботиться о Брук и ненавидеть

Питера. Я уже в некотором роде перестала чувствовать связь с сестрой, мы отдалились. И она не доверяет мне, она верит Питеру.

Он делал больно мне, делал гадости тебе, и все же вместе мы оборонялись и даже наступали.

Случилось еще кое-что. В этом лагере я встретила Фила. Думаю, ты запомнил его имя навсегда после того, как он чуть не угробил меня со своим дружком. Опять же, ты вовремя появился. Помнишь, как я бросилась к тебе? Помнишь, как дрожала от страха? Не представляешь, как в секунду от твоего взгляда мне стало в тысячу раз легче. Я уже не боялась никого, не думала о плохом исходе, а просто прижалась к твоему плечу и зарыдала.

Сейчас я выгляжу как идиотка, разговаривая в темноте, воображая, что ты рядом. Но мне почему-то все равно. Мне плевать на все. Я просто хочу ощутить твое присутствие. Выдумать себе на миг, как бы ты лежал рядом, каким взглядом смотрел бы на меня. Это все, что мне остается.

Вспоминается твоя улыбка. Ты нечасто улыбался, но если все же делал это, то она светила ярче любого солнца. О да, Дарен, этому можно было бы позавидовать. Сейчас вокруг меня темнота, и я не вижу абсолютно ничего, кроме иногда мигающих в небе самолетов.

Мы мечтали с тобой отправиться в Рим, помнишь? Хотели каждый день ходить в пиццерию, с утра фотографироваться у знаменитого фонтана Треви, гулять по узким улочкам, болтать с итальянцами и просто хорошо проводить время. Жаль, что мы не осуществили нашу задумку.

У меня бегут мурашки сейчас по рукам, потому что кажется, будто, когда я закрываю глаза, я вижу твое лицо. Оно светится, и становится так тепло на душе. Я помню, как мы с тобой доставали Брук. У вас были не совсем дружеские отношения, а посмеяться над ней мы любили. Как и в тот раз, когда нам взбрело в голову взять со стола ее любимую книгу и подменить текст. Как же ловко мы все провернули! Заклеили настоящий поддельным, распечатанным из совершенно другой книги – по-моему, из одного комичного фанфика. Стоит только вспомнить выражение лица Брук, когда она принялась читать. Мы стояли за дверью и ждали ее реакции. И, признаться, я никогда так не смеялась. И не удирала от кого-либо – тоже: Брук ведь заметила нас с тобой в дверном проеме и сразу все поняла.

А еще я хочу попросить у тебя прощения, Дарен. Ты всегда меня поддерживал, всегда помогал. А что делала я? Я, по сути, была никчемной подружкой. Мы проводили вместе время, но я очень редко слышала о твоих проблемах.

Ты мало рассказывал мне о своей собственной жизни, а я не настаивала и не пыталась узнать, как ты себя чувствуешь. Твоя душа была омутом, в который я так и не окунулась, хотя мне казалось, я вижу тебя насквозь. Я ошибалась.

Прости...

Я должна рассказать Дарену еще об одной ситуации, но звуки чьих-то шагов отвлекают меня. Я резко подскакиваю с сырой травы, поспешно отряхивая одежду, и пытаюсь разглядеть в темноте силуэт человека, но безрезультатно. Я никого не вижу. Сердце будто сковывают цепями. Рядом со мной действительно кто-то есть.

Кажется, от испуга я теряюсь. И больше всего меня пугает не то, что тут кто-то есть и этот кто-то может причинить мне вред, а то, что мою исповедь услышал не только Дарен.

Страшно подать голос и крикнуть в тишине. Я напрягаюсь, замечая вдали отдаляющийся от меня силуэт. Последнее, что врезается мне в глаза, – светящийся блик на руке этого человека.

Теперь кто-то знает обо мне намного больше, чем самые близкие люди. Кто-то знает о моих самых потаенных мыслях.

Попытка беззвучно открыть дверь проваливается с треском. Из-за того, что все фонари на ступеньках давно отключились, я с грохотом падаю прямо на порог. Черт! Мне точно кранты. Ванесса так просто не простит мне, что я потревожила ее сон. Даже не знаю, сколько времени сейчас. Очевидно, глубокая ночь. Я припозднилась: магия холма и приятная атмосфера не отпускали. Там слишком хорошо. Я чувствовала безграничную свободу, дышала полной грудью, наслаждалась возможностью побыть наедине с собой. Хотя уже понятно, что не совсем наедине...

Пол, как назло, скрипит. Я кривлюсь от этого звука. Быстро снимаю обувь в коридоре и на цыпочках пробираюсь в комнату. Практически не дышу. Собираю всю волю в кулак, чтобы не издать лишнего звука.

Ванесса лежит на кровати неподвижно. Она накрылась одеялом так, что видно только ее лицо. Глаза крепко закрыты, это уже хорошо. К счастью, моя пижама лежит прямо на чемодане, и я переодеваюсь за пару секунд.

Бросаясь на кровать, я облегченно выдыхаю. Прохладное одеяло окутывает тело, из-за чего улыбка сама появляется на лице. Я обожаю прохладное постельное белье: подушки, простыню, одеяло. Приятные ощущения от них в первые мгновения ни с чем не сравнить!

Единственное, что не дает окончательно расслабиться, – макияж. Тушь уже засохла на моих ресницах после слез, которые беспощадно катились по щекам. Большие разводы под глазами кожи щиплют кожу. Но проскочить в ванную тихо, наверное, не получится.

– Где ты была?

Я замираю в удивлении. Ванесса не спит. Вот черт! Разбудила все-таки.

– Гуляла, – тихо выдаю я.

– А ты, оказывается, не домашний ангел – любишь полетать.

Аддерли не поворачивается ко мне, поэтому я не различаю, с какими эмоциями она все это говорит.

– Я открою окно? Душно, – прошу я у нее разрешения, но в ответ ничего не получаю.

– Зачем ты спрашиваешь меня? – Ее вопрос заводит меня в тупик.

– Потому что не знаю, будет ли тебе комфортно.

Она издает громкий смешок.

– Я ведь не одна здесь живу. Делай что хочешь. – Ванесса приподнимает голову на подушке, поэтому ее лицо предстает моему взору – без яркой косметики и пирсинга. Я настолько внимательно изучаю Аддерли, что в итоге получаю в ответ ее хмурый взгляд.

– Прости. – Отвожу глаза. – Стало интересно...

– ...куда подевалось колечко? – Она договаривает за меня.

Я киваю в ответ.

Ванесса выглядит такой свежей и юной без боевого раскраса. Меня удивляет то, как она преобразилась. В это мгновение ее лицо кажется очень привлекательным. Если бы цвет ее волос стал немного светлее, она бы умудрилась собрать вокруг себя толпу парней.

– Оно легко убирается в нос. – Одним движением пальцев Аддерли вновь достает колечко. – Когда хочу, тогда и прячу.

– Мне кажется, тебе не идет. – Не знаю, как я осмеливаюсь произнести это вслух. Чтобы как-то исправить ситуацию, я тянусь открыть окно и наконец разбавить атмосферу.

Ванесса хмыкает в ответ. Думаю, это самое приличное из того, что она могла выдать.

– Джитта, ты когда-нибудь делала что-то, не спрашивая на то разрешения? – Аддерли быстро переходит с одной темы на другую.

– Конечно.

– Например?

– Почему ты интересуешься?

– Потому что вижу, что ты замкнутая.

Меня обижают ее слова, но в них есть доля истины. А на правду, как известно, не обижаются.

– Ты ведь не в главное здание ходила, да? – Она словно читает меня как открытую книгу.

Ванесса то прыскает ядом, то изображает Конфуция. Самая неоднозначная личность, которую я когда-либо встречала.

– Как ты узнала?

– По твоему ужасному виду.

Я сажусь на диван и таращусь на Ванессу. Как ей так легко удается меня задевать?

– Спасибо, – в пустоту шепчу я, прикрывая глаза.

– У тебя интересное имя, Джитта.

– Терпеть его не могу, – с раздражением отвечаю я ей. – Для него существуют другие формулировки: Джи и Джит.

– Из-за кого размазала тушь?

– Не хочу об этом говорить. Спокойной ночи, Ванесса.

Я закрываю глаза и отворачиваюсь к стене, чтобы Аддерли меня не видела. Прижимаюсь к мягкому одеялу и начинаю постепенно провалиться в сон. Сил не осталось, я чувствую только ужасное опустошение внутри.

– Я знаю, что ты чувствуешь, ангел. Знаю.

Глава 11

Просто Маккой Эванс

Я просыпаюсь с первыми лучами солнца. На часах около шести утра. Лень берет надо мной верх, поэтому я валяюсь в кровати еще полчаса. Ванесса спит, а я поражаюсь тому, как ее не разбудили громкие звуки оповещений, которые раздались, когда я включила мобильник. Я уже даже подготовилась к тому, что она вскочит и кинет в меня подушку, но нет, все обошлось.

Ее вчерашние слова отчетливо впечатались в мою память: «Я знаю, что ты чувствуешь». В очередной раз убеждаюсь в том, что Ванесса Аддерли для меня – огромная тайна.

Я тихо встаю с постели и направляюсь в ванную, стараясь делать все максимально бесшумно. Моя челюсть едва ли не отваливается от изумления, когда глазами я натыкаюсь на стоящий на полке гель для душа с ароматом мандаринов. Мой самый любимый гель, которым я пользовалась на протяжении семи лет! Потом его сняли с производства. Как Ванесса смогла достать эту вещь? Я облазила весь интернет в поисках, но так и не нашла. Похоже, у нас все же есть схожие вкусы.

После, искупавшись, я заворачиваюсь в полотенце и встаю у зеркала, рассматривая себя. Под глазами мешки, которые, очевидно, появились после вчерашних рыданий. Без туши глаза блекнут на фоне бледного лица. Мокрые темные волосы волнами ложатся на плечи. Глядя на свое отражение, я не могу сказать, что оно меня раздражает, но и то, что оно мне нравится – тоже.

Обычно я пользуюсь тушью, чтобы придать взгляду выразительности. Без нее не выхожу никуда, будь то школа, магазин или соседний двор. Глупо, но она придает мне какой-то уверенности в себе.

– Джит! – За дверью слышится крик Ванессы. За один вечер она усвоила очень важную вещь: не называть меня полным именем.

Быстро натягивая одежду, я еще раз кидаю взгляд в сторону зеркала, а потом открываю дверь.

– Доброе утро!

Она неподвижно стоит в дверном проеме в длинной черной майке с изображением какой-то рок-группы. К сожалению, мне не удастся разглядеть название.

Ванесса тихо зевает, прикрывая рот рукой. Она с интересом разглядывает меня и будто хочет задать вопрос.

– Ты с утра при параде. – Вместо вопроса Ванесса почти незаметно улыбается и протискивается в ванную.

– Да нет. – Пожимаю плечами. – Как всегда.

Она хмыкает и включает воду. Я отхожу, оставляя для нее немного места.

– Кстати, где ты смогла купить этот гель для душа? Я искала его целый год.

Ванесса умывает лицо и после поднимает голову. Она двигает бровями, что заставляет меня подумать – она явно недовольна моим присутствием здесь. Понимаю, что нужно оставить ее одну.

– Мой папаша, – Ванесса наносит на зубную щетку немного пасты и начинает чистить зубы, приостанавливая разговор на пару мгновений, – директор фирмы, выпускающей эти гели.

Директор? Я знала, что в этот лагерь попадают не самые бедные ребята, но чтобы Ванесса была дочерью обеспеченного человека?

– О-о, – единственное, что слетает с моих уст.

– Наш дом завален этими гелями, шампунями и прочим. Кстати, недавно компания папаши разорилась. – Она говорит очень спокойно, словно ее это нисколько не волнует и разорился чужой мужчина, а не ее родной отец.

– Мне жаль.

Аддерли звонко смеется, бросая щетку в раковину. Я сказала что-то не так?

– Всегда ненавидела его работу. И его тоже.

Последнее слово режет слух. Что произошло у нее в семье, раз она так отзывается об отце? Должно быть, что-то очень серьезное. Аддерли глубоко обижена в душе, и это отражается не только в ее словах, но и в поведении.

– Закрой дверь, – приказывает она мне, не поднимая взгляда.

– Может, мы все же поговорим об этом? – Мне совсем не хочется оставлять ее вот так.

– Я не буду с тобой обсуждать этого пр... – недоговаривает Ванесса, – своего отца. Оставь меня в покое, будь добра.

Мне не нужно повторять еще раз. Я послушно делаю то, о чем она просит, – оставляю ее одну. Видимо, тема отношений с отцом очень болезненная для Аддерли, и затрагивать ее уж точно не стоит.

Как только я возвращаюсь в комнату, раздается грохот в ванной. Я застываю на месте, прислушиваясь к тому, что там происходит. Переживаю за Аддерли – даже грудь спирает. Она хоть и пытается казаться стальной леди, а все равно живой человек, и сейчас ее чувства, очевидно, задеты.

В дверь стучат, и это отвлекает меня от мыслей о Несс. Я спешу в гостиную. Интересно, кого еще принесло? Смотрю в глазок и теряю дар речи. Ничего себе! К нам пожаловал сам Эванс!

Мне становится не по себе от неожиданного появления Маккоя. Не понимаю, что он здесь забыл. Ему ведь хорошо было со своей роскошной компанией. Я стараюсь отмахнуться от предубеждений и наконец открываю ему дверь. Может, он пришел с хорошими намерениями.

– Маккой?

– Доброе утро, Джит. Как спалось?

Я удивляюсь, насколько он дружелюбен утром. Сегодня, на удивление, Эванс снял свои экстравагантные джинсовые шорты и вместо них нацепил тканевые, бежевые. А футболка на этот раз ярко-оранжевого цвета.

– Доброе. Как ты узнал, что я живу именно в этом доме? – Я выхожу к нему на крыльцо и закрываю за собой дверь. Не хватало еще, чтобы Ванесса вышла в своем ужасном настроении и вылила на Маккоя ведро грязи.

– В холле висит распечатка. Кстати, где ты вчера была? Я тебя искал. – Его глаза пристально изучают мое лицо, пытаюсь найти правду, но раскрывать ее я не хочу. Уж точно не сегодня. После пары секунд размышлений выбираю самый верный выход из неловкого положения: сказать, что осталась дома.

– Мне стало нехорошо, поэтому я погуляла немного на воздухе, а потом вернулась сюда, – пожимая плечами, отвечаю я, надеясь, что Маккой поверит.

– О-о. – Эванс задумчиво наклоняет голову набок. – Что с тобой случилось?

– Голова заболела. Давай не будем об этом. Расскажи лучше, как вчера все прошло. Что нового ты узнал?

Я стараюсь сменить тему для разговора, чтобы у Маккоя не появилось ко мне еще больше вопросов.

– Давай прогуляемся к берегу? Я все тебе расскажу, – предлагает он, а я соглашаюсь.

Шагая вперед, я вдруг чувствую, как нога скользит со ступеньки, из-за чего тело будто бы по инерции ведет вперед. Еще чуть-чуть, и я смачно грохнусь с крыльца на траву. Прекрасное начало дня! К счастью, Эванс вовремя хватает меня за руку и спасает от падения.

– Спасибо, – на выдохе выдаю я, пребывая в шоке. Действительно, он не дал мне упасть и разбить себе все, что только можно.

Маккой испуганно глядит на меня, крепче сжимая мою прохладную ладонь. Через несколько секунд его испуг испаряется. Теперь он показывает свою милую улыбку.

– Ты умеешь производить впечатление, – проговаривает Эванс.

Смех автоматически вырывается наружу. Не сдерживаясь, я хохочу на всю округу. И не только из-за его слов. Я замечаю в волосах Маккой божью коровку.

– Ты тоже. – Я убираю милое создание с его головы и осторожно кладу его на ладонь. – Смотри.

Маккой касается своей головы и следом смеется. Он вряд ли ожидал такого поворота событий.

– Это к удаче, – восклицает Эванс. – Определенно!

Приметы – штука сложная. С одной стороны, поверишь – и будешь зависим от всяких знаков судьбы, упуская действительность, с другой же, если не поверишь – потом будешь жалеть, когда тебя вдруг неожиданно настигнет неприятность.

– Веришь в приметы, Маккой?

– Я вырос в семье, где верят во все существующие приметы. – Его глаза блестят искрами. – Начиная с того, кто зайдет первым в здание компании: если мужчина, то будет удачный день, если женщина – совсем не прибыльный. И заканчивая тем, что мой отец заиклен на том, кто перед ним стоит в пробке. Попробуешь найти в этом логику?

Хм. Это интересный вопрос.

– Он смотрит, кто сидит за рулем? Женщина или мужчина?

Маккой вновь смеется, а после отводит взгляд в сторону и наблюдает за морем. Мы прилично отошли от нашего с Ванессой дома, уже практически на пляже. Приятный морской воздух так и манит скорее добраться до побережья.

– Если перед ним останавливается черная машина, отец верит, что это к неудачам, кризису, спадам продаж, а если любого другого цвета, то бизнес пойдет в гору. – Он театрально играет бровями. Я понимаю, что ему такие причуды отца совсем не по вкусу. Хотя сам Эванс по привычке теперь тоже не может обойти все эти приметы.

– Впервые слышу о твоей семье. – Я кидаю на него взгляд и вижу в Маккое какую-то заоблачную легкость. Как будто он находится на своем месте и ничего сейчас не желает менять.

– Мы раньше не общались, вот и не рассказывал. – Маккой дотрагивается до дерева, стоящего рядом, и продолжает говорить: – Мне кажется, всегда нужно узнавать у людей об их семье, тогда и их самих поймешь намного больше.

И снова его философия. Его собственная. То психологические якоря, то высказывания о познании людей. Признаться, в Эвансе есть что-то, способное удивлять.

Мы наконец добрались до пляжа, на котором уже собрались кучками подростки. Кто-то плавает в море, кто-то загорает на песке, есть и те, кто раскладывает палатку. Для чего она тут?

– Тебя тоже удивила палатка? – спрашивает Эванс.

Мы одновременно заливаемся смехом. Интересно посмотреть на того, кто додумался ее принести.

– Да, очень.

– Я бы с удовольствием искупался, – мечтает Маккой в то время, как я безразлично склоняю голову.

Я бы не хотела заходить в воду при всех. К тому же мой купальник остался дома.

– Что тебе мешает? – задаю ему вопрос, в глубине души надеясь, что он не захочет оставлять меня одну на берегу.

– Забыл плавки. – Он расстроено сжимает губы.

Действительно, какая печаль! И всего-то из-за плавок. Мне казалось некрасивым бросать человека посреди разговора ради минутного удовольствия. Я не поступила бы так, даже если была бы в купальнике.

– Так что там о новостях?

Маккой вновь оживает. Мы присаживаемся в тень около дерева и продолжаем смотреть на волнующееся море. Оно по-настоящему завораживает: глубокий синий цвет, накрывающие друг друга волны, блики солнца на воде. А от воздуха я практически теряю сознание. Слишком люблю морской бриз.

– Сегодня днем нас разделят по группам, – начинает Эванс, – и приставят ко всем куратора. Говорят, это студенты с первого курса. Если честно, я бы хотел оказаться в одной группе с тобой, но не уверен, что получится. Распределение пройдет в рандомном порядке.

– А как нам узнать, кто с кем?

– Вышлют в чат всю информацию. Кстати, о проектах. Уже сегодня будет первое выступление. В беседу тоже скоро отправят информацию. Я буду представлять проект где-то через три дня. А вот тебя я в списках пока не видел.

Маккой тяжело выдыхает. Что-то в его настроении меняется, когда он бросает взгляд в сторону двух девушек, лежащих на полотенце. Они принимают солнечные ванны и наслаждаются мгновением. Их фигуры очень впечатляющие. Вероятно, Маккой именно поэтому и засматривается.

– Не могу не думать об этом, – он глубоко вдыхает, – но та девушка в синем купальнике очень напоминает Одри.

Он прикладывает ладони к щекам и закрывает глаза. Я же едва сдерживаю смех. Одри? Мне не послышалось?

– Я не вижу ее лица, – признаюсь я, наблюдая за стройной фигурой девушки.

– Мы несколько раз пересекались. Она появляется везде, где есть я. Также всегда делает Одри. У меня смешанные чувства.

– Одри здесь точно нет...

– Одри нет... – Он откидывается назад, принимая лежачее положение. Тело Маккой полностью расслабляется. Ему нравится отдыхать так же сильно, как и мне самой.

Только вот при упоминании Одри мне становится немного грустно, потому что она тоже заслужила эту поездку. Ей не выпала такая фантастическая возможность получить массу новых эмоций, насладиться морским воздухом, общением, знакомством с новыми людьми. Наверное, она сейчас грустит и осыпает нас с Маккоем проклятиями.

– Она говорила, что перед отъездом вы вместе провели выходной, – вспоминаю я, глядя на Маккой.

Стараясь вести непринужденный диалог, я изредка посматриваю на воду, в которой уже плескаются ребята. Все это так манит, что я закусываю губу от внутреннего противоречия: с одной стороны, очень хочется плавать; с другой же – у меня не получится сделать это на виду у всех.

Маккой удивлен, что я знаю такие подробности, но ведь подруга тогда спрашивала у меня совета. Думаю, Эванс должен понимать, кто такая Одри и что она рассказывает направо и налево.

– Мои родители устроили барбекю-вечер. Обязательным условием было приглашение моей подруги. Честно говоря, им не нравится мой круг общения в Марилебоне. Они терпеть не могут всех моих друзей. А Одри, на самом деле, может быть милой, если ее об этом попросить. Так мы и нашли общий язык.

Я слушаю его внимательно. Он говорит так рассудительно, манерно, и мне любопытно услышать историю их встречи.

– И как прошел вечер?

– Я был обеспокоен, поскольку Одри тогда узнала, что мы с тобой едем в лагерь. Когда она только зашла к нам во двор, то первое, что спросила, так это – нравишься ли ты мне.

Я закатываю глаза и смеюсь. Кажется, этот день принесет еще много смеха и положительных эмоций.

– Ничего удивительного. Просто Одри Моллиган.

Маккой выдыхает с облегчением, видя мою спокойную реакцию.

– Она, как ни странно, очень понравилась моим родителям.

Я киваю. Одри могла. Когда ей нужно – она превращается в ангела, да такого, какого свет никогда не видывал.

– Одри в каком-то смысле спасла меня. Родители со спокойной душой отпустили меня сюда без всяких вопросов, когда убедились в том, что в моем окружении еще есть адекватные люди.

Маккой смущенно опускает голову. Мне ясно: он использовал ее как спасательный круг. А Моллиган доверчиво кинулась его спасать.

Глава 12

Призрак в этом лагере

На улице становится все жарче и жарче. Кажется, солнце сейчас в зените. Теперь мы с Маккеем находимся в зоне самого солнцепека, и даже под пальмами невозможно спрятаться от прожигающих кожу лучей. Всего несколько сотен километров от Марилебона, а такая разница в погодных условиях. Угнетающе.

– Маккой!

Резкое восклицание позади буквально вырывает меня из мыслей. От такого неожиданного крика я даже вздрагиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.